

Григорий Ароновский

ТОРГОВЕЦ ВОЗДУХОМ

18+

Григорий Ароновский

Торговец воздухом

«Издательские решения»

Ароновский Г.

Торговец воздухом / Г. Ароновский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742638-5

Джеймс Бишоп — человек, для многих ставший живой легендой. Одни называют его гением, другие — подонком. Занимаясь частной практикой в психологии, он разрабатывает специальную методику, позволяющую людям обрести раскованность, душевное равновесие и внутреннюю свободу. Его выступление на телевидении вызывает широкий общественный резонанс и скандал. Тем не менее в разное время кабинет психолога посещают четыре семейные пары, которым будет суждено испытать действие данной методики. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-742638-5

© Ароновский Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Торговец воздухом

Григорий Ароновский

Дизайнер обложки Алина Загорских

Редактор Миранда Лаукканен

© Григорий Ароновский, 2020

© Алина Загорских, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4474-2638-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Искренне благодарю тех людей, которые нашли в себе смелость первыми узнать некоторые подробности этой недорассказанной истории и, в той или иной степени, оказавших поддержку при ее написании – Дарью К. и Яну К.

Я очень признателен своим близким друзьям – Денису Х. за его непрерывную моральную помощь и за его смелость в числе первых прочесть эту книгу целиком, а также Ивану К. за многочасовые разговоры о смысле всего этого.

Благодарю Д. Б., чьи рассказы о своей непростой судьбе за большим обеденным столом вдохновили меня на создание этой книги.

Спасибо Миранде Лаукканен, без которой эта история не дошла бы даже до многого-чия...

Глава 1

Где-то в Америке.

Наши дни.

Чистые, зеркальные двери лифта раскрылись на 17 этаже высотного здания.

Из кабинки в коридор вышел мужчина в синем костюме. На нем была идеально выглаженная рубашка холодного розового цвета, бордовый галстук и тщательно начищенные черные итальянские туфли. Он остановился перед стойкой ресепшн.

– Добрый день. Чем могу помочь? – обратилась к нему девушка.

– Здравствуйте. Я в офис мистера Бишопа. Он меня ждет.

– Идите налево по коридору до самого конца. Дверь будет справа. Офис 1749.

– Спасибо.

Он шел по коридору и наблюдал за сотрудниками, которые с озабоченным видом обсуждали свою работу. Все они были одеты в дорогие костюмы, держа в руках еще более дорогие телефоны.

Дойдя до конца, мужчина подошел к двери, на которой висела табличка с надписью «Бишоп». Он нажал на кнопку. Через мгновение раздался звук. Мужчина потянул ручку вниз, открыл дверь и вошел внутрь.

Он оказался в приемной мистера Бишопа. Теплая бежевая краска на стенах и темно-коричневый паркетный пол придавали этому помещению уют. Он удивился, что в приемной никого не было, ожидая увидеть секретаря.

За другой дверью, ведущей в кабинет к психологу, шел разговор. Звучал только один голос, и мужчина понял, что это мистер Бишоп разговаривал по телефону, коротко отвечая на вопросы.

– Подожди минуту, – слышалось из кабинета.

Раздались шаги, а затем открылась дверь. В приемную вышел психолог, одетый ничуть не хуже – красивый серый костюм, рубашка в темно-голубую полоску, синий галстук и черные лакированные туфли. Он улыбался. На вид ему было около тридцати пяти-сорока лет, с приглаженными черными волосами и короткой бородой на лице.

– Мистер Дарем, добрый день, – поздоровался психолог первым. Они пожали друг другу руки. – Я прошу прощения, но не могли бы вы немного подождать? У меня важный телефонный разговор, и мне необходимо его закончить. Вы можете пока присесть.

Мистер Дарем утвердительно кивнул.

– Нет проблем. Я подожду. Спасибо.

Мистер Бишоп скрылся за дверью своего кабинета и продолжил разговор. Мистер Дарем сел в мягкое кресло. На стене напротив висели две картины, и он начал их разглядывать. На обеих было изображено одно и то же место – песчаный берег с океаном, только на одной погода была ясная, а на другой бушевал настоящий ураган. Огромные волны с пенящейся водой обрушивались на берег, а небо было затянуто черными тучами.

Мистер Дарем встал и подошел к картинам. Он хотел посмотреть, не оставил ли художник свою фамилию на полотнах. Ничего не было, отчего он немного расстроился. Он опять сел в кресло, положил ногу на ногу, соединил кончики пальцев и задумался.

«И как мы могли дойти до такого?», – задался он риторическим вопросом, имея в виду под «мы» себя и свою супругу, Сьюзан, которая осталась дома, так как он ничего ей не рассказал о своем желании посетить мистера Бишопа.

Он посмотрел на свои часы. Начало встречи затянулось почти на 15 минут.

– Нет. Всего доброго, – сказал мистер Бишоп своему собеседнику. Как оказалось, этими словами он закончил разговор.

Вновь послышались шаги. Дверь открылась, и из-за нее показался психолог.

– Проходите, – сказал мистер Бишоп.

Мистер Дарем зашел в кабинет.

– Присаживайтесь, – предложил психолог, указав на один из стульев.

– Спасибо.

– Я еще раз прошу у вас прощения, что заставил вас ждать. Думаю, вы не сильно скучали?

– Нет. Я рассматривал те две картины, и они мне очень понравились. Кто их нарисовал?

– Один мой бывший клиент.

– Серьезно? – спросил мистер Дарем с удивлением.

– Да.

– Очень красиво. Вы ему помогли, и он решил сделать вам подарок?

– Не совсем. Я дал ему небольшое задание, и эти картины – результат его выполнения.

Мистер Дарем удивился еще больше. Он думал о каком-нибудь небольшом магазине или уличном рынке, где такие картины можно было достать по низкой цене.

– А в чем именно заключалось задание?

– Я попросил показать мне спокойствие и тревогу любым способом, каким он сам предпочтет. Он выбрал тот, которым владеет лучше всего – рисованием. Он страдал тяжелым нервным расстройством, а лучшее лечение в таких случаях – физический или интеллектуальный труд.

– Вы еще и врач? – спросил мистер Дарем. Он подумал, что заданный им вопрос оказался чересчур резким.

– Нет, – ответил мистер Бишоп. – Будь я врачом, то никогда бы не назначил такого лечения, потому что так не принято.

Мистер Дарем почувствовал некий сарказм.

– А что бы вы сделали? – спросил он.

– Ну, как и все врачи в нашей стране, я бы выписал дорогие лекарственные препараты, а потом бы ждал, когда он ко мне вернется, чтобы выписать новые лекарства, потому что предыдущие не помогли.

– Я думаю, вы слишком категоричны, – сказал мистер Дарем.

Мистер Бишоп засмеялся.

– Согласитесь, мистер Дарем...

– Можно просто Фрэнк.

– Согласитесь, Фрэнк, – повторил психолог, – продолжительность болезни у пациента зависит от толщины его кошелька.

Фрэнк усмехнулся. Он одобрительно кивнул головой и проговорил:

– Да. Наверное...

– Врачи и другие психологи не называли бы лечением то, что я порекомендовал этому художнику. Но, как оказалось, это подействовало эффективнее всякого лекарственного препарата, которым себя пичкают больные по наставлению врачей. Соответственно, по моему скромному убеждению, этот человек прошел курс настоящего лечения, причем положительного – он выздоровел.

– Как это происходит? – поинтересовался Фрэнк.

– Очень просто – здесь важен сам процесс. Когда он услышал задание, в его голове тут же стали возникать мысли. Он начал думать, как ему изобразить спокойствие, а как – тревогу. Ведь что это такое – спокойствие и тревога? В чем они выражаются?

Фрэнку показалось, что эти вопросы были адресованы ему. Он начал размышлять над ответом, но затем понял, что мистер Бишоп просто рассуждал.

– Когда он в первый и, как оказалось, в последний раз в качестве моего клиента пришел сюда, – продолжал мистер Бишоп, – в процессе нашей недолгой беседы он сказал, что его любимое занятие – писать картины. Это то, что заставляет его быть по-настоящему счастливым. Только вот он не стал искать душевного облегчения в рисовании, наоборот, он выбрал куда более действенный способ по мнению большинства – алкоголь. Алкоголь вместе с теми лекарствами, что доктор прописал.

– То есть вы просто направили его?

– Да. Все его беспокойства, его раздражительность и нервные срывы ушли, как только он принялся за работу. Он принялся за нее с усердием, со всей ответственностью, потому что это было именно заданием и ничем иным. В то же время, он испытывал удовольствие от своего любимого дела. Эти картины он рисовал на протяжении одного месяца, а потом пришел ко мне и показал их. Когда он зашел в приемную, и я его увидел, то сразу понял – он больше ни мой клиент, ни чей-либо другой и, самое главное, ни чей-либо пациент.

Воцарилась тишина. Фрэнк Дарем сидел, задумавшись. Молчание прервал психолог:

– Он настоял, чтобы я взял эти картины себе как подарок. Я не стал отказываться, потому что они мне чертовски нравятся.

– Иногда самое простое решение является самым лучшим... —прокомментировал Фрэнк.

– Ну, а теперь давайте поговорим о вас. Какая у вас проблема?

Фрэнк почувствовал превосходство мистера Бишоп, но это его не раздражало, а радовало. Он начал проникаться доверием к психологу.

– Мистер Бишоп...

– Для вас просто Джеймс.

– Джеймс, да, хорошо. Понимаете, мои проблемы связаны с моей супругой. Ее зовут Сьюзан. Хотя... На самом деле у меня много других проблем, например, сон. Вечерами мне трудно заснуть, а каждое утро трудно проснуться и заставить себя встать. Затем, проблемы продолжают на работе...

– Кем вы работаете? – задал вопрос Джеймс.

– Я генеральный директор.

– Это хорошая должность. И ответственная.

– Да. Компания занимается производством пищевых продуктов. В основном это полуфабрикаты. Такая сфера деятельности предполагает постоянный контроль всех этапов производства, включая и соблюдение всех санитарных требований.

– Часто к вам навешиваются с проверками?

– Не то слово, как часто. Вы слышали про тот случай на борту самолета, где пассажир, сняв крышку с пластмассовой посуды, увидел внутри вместе с едой кусок стекла?

– Нет, не слышал.

– После того случая все словно с цепи сорвались. Незапланированные проверки со стороны контролирующих органов, которых не пересчитать, участились в два, а то и в три раза. Компания имеет хорошую репутацию, но одно дело – иметь ее, и совсем другое – сохранить, а в наше время оставаться не только наплаву, но и еще не обмазанным в, простите, дерьме, становится все сложнее и сложнее.

– Я это знаю по себе, – сказал Джеймс.

– Ну вот, так что вы сами понимаете, как тяжело мне работать, имея проблемы дома.

Джеймс, в свою очередь, немного помедлил, а затем задал следующий вопрос:

– Почему вы в начале своего рассказа о проблеме упомянули вашу супругу Сьюзан?

Фрэнк подумал и ответил:

– Наверное, потому, что во всей этой неблагоприятной ситуации меня больше всего волнуют мои отношения с ней.

– Да, но вы сказали, что ваши проблемы связаны со Сьюзан, – Джеймс Бишоп напомнил Фрэнку это не в качестве вопроса или уточнения, а в качестве утверждения, факта. Его голос звучал очень четко, с чуть повышенным тоном, чтобы придать особую важность этому утверждению. Фрэнк почувствовал скованность и неуверенность. – Не поймите меня неправильно, Фрэнк, – продолжал Джеймс, – но вы в самом начале сказали именно так. Я повторю ваши слова: «Мои проблемы связаны с моей супругой». Если вы что-то другое имели в виду, то давайте сразу разберемся с этим. Я задам вам такой вопрос – вы считаете, что все ваши проблемы – это последствия плохих отношений со Сьюзан?

– Нет, нет, – тут же ответил Фрэнк, приблизившись к Джеймсу. – Я хотел лишь сказать, что меня больше всего волнуют проблемы, возникшие, в том числе, и со Сьюзан в результате...

Фрэнк остановился.

– В результате чего? – начал его подталкивать Джеймс.

– Я сам не знаю, чего, мистер... Джеймс. Просто, все в одночасье пошло наперекосяк, – Фрэнк резко отодвинулся назад.

Джеймс Бишоп не только внимательно слушал Фрэнка, но и наблюдал за его движениями и мимикой. Он понял, что Фрэнк начал раскрепощаться.

– Не думаю, что у вас все началось в одночасье, Фрэнк. Если бы это было так, то вы бы знали ответ, потому что с этим было бы связано какое-нибудь плохое событие, например, смерть близкого человека.

– Нет, Джеймс, ничего такого не было. Все живы и здоровы.

– Значит, проблема зарождалась постепенно. Ее истоки могут находиться далеко в прошлом, но и сейчас они воздействуют на все стороны вашей жизни – на семью, работу, и так далее.

Джеймс заметил, что Фрэнк слегка поник: опустил голову, периодически закрывая глаза, а языком он то и дело облизывал губы.

– В самом деле, Фрэнк, нам не нужно с вами ходить вокруг да около, – заговорил Джеймс с тонусом в голосе. Фрэнк поднял голову и посмотрел в глаза психологу. – Я знаю, в чем заключается ваша основная проблема. Скажите, как живет ваша семья? В достатке?

– Да, конечно. Я ее полностью обеспечиваю, – сказал Фрэнк с гордостью, но от этого вопроса он еще и недоумевал. – Но как это может быть связано с моими проблемами?

– Вы много работаете? – Джеймс будто проигнорировал вопрос Фрэнка и задал следующий.

– Очень много. Бывает, я встаю рано утром, пока мой сын еще спит, и уйду, а когда возвращаюсь поздно ночью, он уже давно лег в постель. И так может произойти и на следующий день. В итоге – мой сын меня практически не видит. Да и Сьюзан тоже.

– Сколько лет вашему сыну?

– Джошу четырнадцать. У меня есть еще старшая дочь, Эмми. Ей двадцать пять, но она не живет с нами. Уже два года как она вышла замуж и переехала в Балтимор.

Фрэнк вновь облизал губы.

Джеймс внимательно смотрел на него и слушал.

– А сколько лет вам? – спросил он.

– Сорок девять.

– Вы могли бы назвать свою жизнь скучной?

Такой вопрос Фрэнк не ожидал услышать, но он понимал, что мистер Бишоп подкрадывается к нему, нащупывая все новые и новые детали, словно маленькие шестеренки в огромном механизме, составляющий его жизнь.

– Как вам сказать, Джеймс... – Фрэнк призадумался. Мистер Бишоп ждал, что он скажет. – Я достаточно обеспеченный. У нашей семьи есть все, что должно быть, но...

– Но вы чувствуете, что что-то не так. У вас нет какой-то удовлетворенности от жизни, – закончил психолог фразу за Фрэнка.

– Да, – подтвердил Фрэнк. – Да. Это так.

– А почему вы пришли именно ко мне?

Прозвучал вопрос, которого Фрэнк боялся больше всего. Он сумел в свое время выбраться из нищеты и самостоятельно встать на ноги. По городским улицам или в офисе компании Фрэнк всегда ступал с гордо поднятой головой. Фрэнк Дарем, человек, уверенный в своих силах, даже в своем превосходстве над другими, кто его окружал, пришел в смятение от элементарного и, одновременно, такого сложного для него вопроса.

– Я... – начал Фрэнк, – я слышал о ваших методах, которые вы используете при работе с клиентами, точнее, с семейными парами, – Фрэнк провел левой рукой по своему затылку. Ему показалось, что там что-то защемило, но это было лишь самовнушение. – Я также слышал, что ваша работа в этой области весьма успешна, и пары, которые участвовали в этом... в этом... – Фрэнк не знал, какое слово подобрать, – в этом деле, оказались очень довольными.

– Откуда вы знаете, что они довольны?

– Я... просто я слышал об этом...

Джеймс Бишоп улыбнулся.

– А почему с вами не пришла ваша супруга?

– Она ничего не знает о моем визите к вам.

– Вы с ней даже не посоветовались?

– Я сначала хотел встретиться с вами и узнать подробнее об этом методе, а потом сообщить ей.

Фрэнк чувствовал себя студентом, который сидел на экзамене, пытаясь четко ответить на все вопросы. В кабинете вновь настало молчание. Джеймс подсел ближе к своему столу и положил на него руки, расставив локти в разные стороны. Смотрел он куда-то в сторону. Фрэнк ждал, когда психолог заговорит.

– Вы когда-нибудь смотрели порнофильмы, Фрэнк?

– Ну... конечно, – проговорил тот, немного смутившись. Ему еще никогда не доводилось разговаривать об этом с другим мужчиной. – Как и все, я думаю.

– И наверняка наблюдали на экране групповой секс?

– Да.

– Как вы думаете, Фрэнк, что движет людьми, которые участвуют в подобном? Чего они хотят?

«Того же, чего хочу и я», – подумал Фрэнк.

– Получить новые эмоции, – начал перечислять он, – новые впечатления, может быть, даже, навыки...

– Даже те люди, что специально участвуют в постановках?

– Нет. Там, думаю, всем заправляют деньги.

– Рад это слышать от вас, Фрэнк, – сказал Джеймс, довольствуясь таким ответом. – Конечно, ответы на подобные вопросы могут показаться слишком очевидными, но мне нужно было удостовериться. Это важно для моего личного, внутреннего спокойствия.

– Я понимаю.

В последующий час Джеймс Бишоп подробно рассказывал Фрэнку Дарему о своем методе, который был, по его словам, необычайно прост, но, в то же время, необычайно сложен в исполнении.

Глава 2

Двумя неделями ранее.

Джеймс Бишоп сидел в гримерной перед зеркалом. Незнакомая ему женщина работала кисточкой – она наносила на его лицо пудру, готовя его к съемкам в популярной телевизионной передаче «Открытые окна закрытых домов».

– Вы готовы, мистер Бишоп, – сказала она.

– Спасибо.

Он встал, отряхнул свой пиджак и направился к выходу из гримерной.

Съемочная площадка представляла собой большое помещение, в котором одна из сторон была закруглена. Именно для этой стороны была подобрана изящная мебель белого цвета: кресло для ведущего и широкий диван для гостей. Мебель была выставлена друг напротив друга и немного повернута в сторону к зрителям. Между зрителями и гостями передачи располагались кресла, по четыре с правой и левой стороны, для особых приглашенных – так называемых экспертов, которые активно участвовали в дискуссиях. Позади экспертов находились несколько операторов с камерами, установленными на высоких штативах – их объективы направлялись на ведущего и гостей.

Джеймс прошел по студии и остановился в ее середине, оглядывая своим взором все пространство, что его окружало.

– Десять минут до начала съемки! – прозвучал голос из приемников, спрятанных где-то сверху.

К нему подошла его давняя знакомая – Бриджет Оллфорд. Именно благодаря ей Джеймс находился здесь. Она работала главным редактором в одной крупной газете. Ее деловые связи позволили ей дойти до телевизионных боссов, которые проявили интерес к личности Джеймса Бишоп, поняв, какой информацией они стали обладать и которую они могли теперь донести до масс, увеличив и без того большой рейтинг. Бриджет улыбнулась Джеймсу и спросила:

– Ну как?

– Все хорошо, – спокойно ответил он.

– Думаешь, стоит это делать?

– Об этом мы узнаем позже, – сказал Джеймс. Он добавил: – Слушай, у меня с лицом все нормально? Мне показалось, что женщина в гримерной наложила слишком много пудры.

– Нет, – слегка усмехнувшись, ответила Бриджет и дополнила: – Но все морщины тебе запудрили.

– У меня их и не было, а сделали так, как будто я был ими покрыт.

– Ты же сам прекрасно понимаешь, Джеймс – придется терпеть. Долго терпеть. И какие-то там причуды телевизионщиков ничто, по сравнению с тем, через что тебе предстоит пройти.

– Я знаю, Бриджет. Я благодарен тебе.

Они немного постояли молча.

– Жаль, что Верна не смогла приехать сюда.

– Поверь, будет лучше, если она посмотрит по телевизору. Хотя для нее и так это будет настоящей пыткой.

– Я схожу за кофе, – сказала Бриджет. – Тебе принести? Еще есть время.

– Нет, спасибо. Мне нужно собраться с мыслями.

Бриджет удалилась, оставив Джеймса одного, но, как оказалось, у него совсем не было времени, чтобы привести свои мысли в порядок – чья-то рука прикоснулась к его локтю. Обернувшись, Джеймс увидел человека, который смотрел на него, довольно растянув улыбку.казалось, от зубов этого человека мог отражаться свет – настолько они были белоснежными и иде-

ально ровными. Это был Брэндон Фейн – бессменный ведущий программы. Его волосы уже давно поседели, а спина постоянно находилась в чуть согнутом положении. Многие его поклонники, а их было немало, особенно женщины, то и дело обсуждали занимаемое им кресло ведущего на протяжении уже двадцати пяти лет, и все гадали, когда он уйдет на покой, надеясь, при этом, что этого никогда не произойдет. Брэндон Фейн обладал всеми навыками шоумена, и никто из молодого поколения не мог сказать точно, получил ли он их в процессе своей долгой карьеры на телевидении, или он уже был ими наделен с самого рождения.

Лучезарная улыбка Брэндона Фейна околдовывала каждого, с кем он общался, однако, на Джеймса она не могла повлиять столь магически, как на остальных.

– Готовы, мистер Бишоп? – спросил Брэндон.

– Уже давно, – ответил Джеймс, сохраняя внутреннее спокойствие и силу духа.

– Я хотел бы с вами быстро обсудить несколько деталей, пока еще есть время до эфира.

– Конечно.

– Как я понял, вы психолог, специализирующийся на семейных отношениях. Вы занимаетесь только проблемами брака?

В руках Брэндон держал листок с заметками. Он заглядывал в него каждый раз, прежде чем задать следующий вопрос.

– Да... – ответил Джеймс, но потом добавил более уверенно – То есть, не только проблемы брака. Я могу решить большинство проблем, с которыми сталкиваются люди.

Брэндон хмыкнул. Он глянул в листок и задал следующий вопрос:

– Вы разработали свою методику один, или у вас были коллеги, которые поддерживали вас? Помогали вам?

– Один.

– Но я так понимаю, у вас есть кто-то в качестве рабочего персонала?

– Есть.

Брэндон Фейн еще немного пробежался глазами по листку. Наконец, он поднял голову.

– Что ж, подробнее расскажете уже в эфире.

Брэндон улыбнулся и хлопнул Джеймса по плечу, после чего пошел в сторону одного из выходов. Когда он приблизился к зрительской аудитории, раздались выкрики его страстных поклонниц, на что тот махнул ладонью, расплывшись в счастливой улыбке.

Пока Джеймс стоял в центре зала и отвечал на его уточняющие вопросы, в студии стало заметно больше людей: несколько экспертов заняли места в отведенных для них креслах, у всех камер стояли операторы, проверяя оборудование и четкость картинки.

– Пять минут, – вновь раздалось сверху из динамиков.

Джеймс посмотрел на белый диван. Через пять минут он будет на нем сидеть, а напротив него – этот напыщенный старик. Он не столько боялся экспертов, сколько прямого эфира. При записи он мог бы себе позволить промедление в ответах, мог бы найти время для обдумывания мыслей, прежде чем произнести их – потом монтажеры вырезали бы все лишнее, сделав из передачи живой, быстрый диалог. Прямой эфир этого не позволял. Думать нужно было быстро. Одно дело – несколько десятков зрителей в зале, другое – миллионы. Джеймс Бишоп всегда считал, что промедление перед одним человеком – показатель мастерства и профессионализма, показатель четкого обдумывания и выстраивания плана, стратегии, но промедление перед огромной толпой – провал, фиаско. Толпа, быстрая и непредсказуемая, сама потребует скорости. Иначе не поверят...

К Джеймсу через толпу пробралась Бриджет со стаканом дымящегося кофе. Она ничего не сказала, а только с улыбкой кивнула ему.

Он провел руками по своей голове, пригладив волосы.

Перед ними мгновенно появился молодой парень. На голову были натянуты большие наушники, соединенные с микрофоном.

– Мистер Бишоп, мы начинаем. Садитесь вон там, на диван.

– Спасибо, – сказал Джеймс, а затем посмотрел на Бриджет. Его взгляд словно обращался к ней с просьбой пожелать ему удачи.

– Все будет в порядке, – сказала Бриджет, поняв, как ему требуются слова поддержки.

Джеймс направился к дивану, в сторону, куда были наставлены камеры. Брэндон Фейн уже ждал его, расположившись в своем кресле.

– Садитесь напротив, Джеймс, – сказал он.

Джеймс кивнул и медленно опустился на диван.

Эксперты пристально смотрели на него. Некоторые из них сидели, словно затаившиеся хищники в траве, изучая свою добычу.

Съемочная площадка освободилась. Зрители ожидали начала. Среди них Джеймс попытался рассмотреть Бриджет, но у него не получилось – в зале убавили освещение, сосредоточив большую часть света на нем и Брэндоне Фейне.

Все тот же строгий голос объявил:

– Тишина в студии! Выходим в эфир. Десять, девять, восемь, семь...

Джеймс перевел дух, сделав три глубоких вдоха.

– ...шесть, пять, четыре...

Брэндон немного нагнулся к Джеймсу, посмотрел прямо ему в глаза и с серьезным выражением лица сказал такое, от чего тот почувствовал, будто его облили бензином, и где-то сзади он услышал звук проведенной о коробок спички:

– Держитесь, Джеймс.

Затем Брэндон быстро вернулся в прежнее положение, дожидаясь окончания отчета и включения камер.

– ... три, два, один. Эфир!

Брэндон Фейн обнажил свои белоснежные зубы и поприветствовал зрителей.

Тремя часами позднее.

– Тебе нужно выпить. Да и мне тоже, думаю, – сказала Бриджет.

Она провела Джеймса в свою гостиную, а сама ушла на кухню. Оттуда, открывая дверцы шкафчиков, она спросила:

– Что ты будешь?

– Виски со льдом.

Бриджет взяла два идеально чистых стакана и поставила на барную стойку. Достав бутылку дорогого виски, она наполнила им стаканы наполовину. Ее движения были быстрыми и нервными. Держа стаканы в обеих руках, она подошла к холодильнику, имевшему отделение для льда. Надавив на черный рычажок стаканом, сверху в него упали круглые кусочки затвердевшей воды. Она проделала то же самое со вторым стаканом и вернулась в гостиную к Джеймсу. Тот взял стакан, протянутый Бриджет, и дождался, когда она сама сядет на диван.

С минуту они молчали. Каждый из них думал о том, что происходило в студии. После того, как камеры отключили, и эфир прекратился, Бриджет подбежала к Джеймсу, и, взяв его под руку, повела к выходу из студии. Она вспоминала, как ощутила там раскаленный воздух, которым был наполнен зал, как услышала одновременно восхваляющие и оскорбительные реплики в адрес Джеймса. Но, казалось, больше всех возбужденными в этот вечер были зрители в студии, включая и ее саму, Бриджет. Выйдя из здания телестудии, они сели в ее машину – белый Фольксваген, что был припаркован на уличной стоянке. Она заняла сиденье водителя, а Джеймс сел рядом с ней, и они, решив, что лучше всего сейчас укрыться у нее, поехали к Бри-

джет домой. Ее большая квартира находилась в одном из домов шикарного жилого комплекса, на тридцать седьмом этаже. Отсюда открывался прекрасный вид на ночной город, освещенный многотысячными огнями.

Бриджет, отпив, посмотрела на Джеймса. Тот сидел и ничего не говорил.

– Ты правда помог тому человеку? – спросила она тихо.

– Да, – ответил Джеймс. Он поднес стакан к носу и понюхал его содержимое, проделав небольшие круговые движения. После этого он отпил.

Бриджет восхищалась Джеймсом. Как он держался, как он отвечал на вопросы экспертов и зрителей, как он комментировал редкие замечания Брэндона Фейна, иногда насмешливые и глумливые. Как он выдержал такой натиск. Бриджет уже давно гордилась тем, что в свое время встретила Джеймса, и их отношения постепенно перешли в крепкую дружбу.

– Что ты намерен делать теперь?

– Все то же самое, что и до этого.

– Думаешь, теперь ты сможешь находить таких людей?

Джеймс не ответил сразу. Он немного сменил позу, больше утонув в кресле и расслабившись.

– Они сами будут находить меня. Человек всегда что-то ищет. Дав ему узнать о тебе, как о том, кто может ему это предоставить, он сам придет.

Внешне Джеймс был спокоен, как всегда, но внутренне он еще не остыл. Вместе с тем, внутри себя он улыбался, пока его лицо внешне выражало серьезность и сосредоточенность.

– Позвони Верне, – попросила Бриджет. – Она волнуется. Я сейчас отвезу тебя домой.

– Да, – сказал Джеймс. Он сунул руку в карман своих брюк и вытащил телефон. Встав с кресла, он вышел из гостиной, приложив мобильник к уху.

Бриджет наблюдала, как Джеймс выходил, скрывшись в коридоре. Невзначай, сама того не осознавая, ее взгляд упал на его зад.

«Боже мой, – подумала она. – Как ей повезло... как ей повезло...»

Она слышала, как Джеймс разговаривал по телефону с Верной, его супругой. Джеймс ушел вглубь коридора, и до ее ушей доходили лишь звуки его голоса, но слова она не могла разобрать.

Бриджет допила виски. Она поднялась и отнесла стакан на кухню, оставив его на барной стойке. В ее походке появилась шаткость – столь быстро на нее подействовал виски в небольшом количестве.

Джеймс смолк. Бриджет решила, что тот закончил разговор. Повернувшись обратно, она увидела его перед собой. Он стоял с пустым стаканом в руке. От такого неожиданного его появления она слегка испугалась.

Он подошел к ней, прижал к барной стойке и, протянув руку рядом с ее левым плечом, поставил пустой стакан.

«Верна...» – в голове у Бриджет крутилось имя его супруги.

Он резко схватил Бриджет за грудь и начал массировать.

«Верна...» – снова пробежала мысль у Бриджет, пока Джеймс массировал ей грудь своими ладонями.

«Верна...»

– Добрый вечер. Как всегда, в этот вечерний час в прямом эфире программа «Открытые окна закрытых домов». В этой студии вместе с нами присутствует один гость, практикующий психолог, мистер Джеймс Бишоп, который намерен рассказать нам о специфике своей работы с семейными парами и не только.

Джеймс обратил внимание, что Брэндон не пользовался суфлером. Он смотрел куда-то вперед, на одну из камер.

– Мистер Бишоп, – обратился Брэндон к Джеймсу, – прошу вас, расскажите нам о своей работе и о... – Брэндон специально поперхнулся, – кхм, некоторых методах вашей работы с семейными парами.

Джеймс выдержал совсем короткую паузу и, определив, куда ему нужно смотреть, начал:

– Цель, с которой я сюда пришел, заключается в том, чтобы рассказать людям о возможности решения тех проблем, с которыми, я уверен, многие сталкиваются в повседневной жизни. Я...

– И что это за проблемы? – перебил Брэндон. Джеймс взглянул на ведущего, ожидая увидеть ухмылку на его старом лице, но увидел лишь серьезность и хмурость.

– Самые типичные, – ответил Джеймс. – Это и бессонница, и раздражительность, и чувство неудовлетворенности...

– Неудовлетворенности? – уточнил Брэндон.

– Да, неудовлетворенности.

– А что вы именно подразумеваете под этим словом?

– Душевная неудовлетворенность.

– Ну, хорошо, – заговорил Брэндон, предвкушая, как он будет раскручивать психолога. – Мистер Бишоп, расскажите нам о тех методах, при помощи которых вы собираетесь исправлять так называемую душевную неудовлетворенность у людей.

– Я помогаю задать человеку нужное направление в его раскрепощении через внутренние переживания, которые он никогда не испытывал – через групповое сношение.

Все это время Брэндон Фейн сидел с невозмутимым видом, но теперь он опешил от услышанного. Зал загудел.

– Позвольте! – раздалось в зале. Руки тянули сразу несколько экспертов, желая высказаться.

– Зал, – обратился ведущий ко всем. – Я попрошу вас успокоиться.

Попытки усмирить людей ни к чему не привели, отчего Брэндон Фейн немного растерялся.

В адрес Джеймса посыпались слова возмущения, переходившие в личные оскорбления.

– Зал... – вновь обратился Брэндон ко всем. – Прошу тишины. В нашей студии сегодня присутствуют эксперты. Они могут задать вопросы.

– Позвольте мне пояснить, Брэндон, чтобы избежать избежать пустых обвинений в том, что я бесцельно разбрасываюсь тут такими словами, – попросил Джеймс.

– Пожалуйста, – согласился ведущий.

– Прежде всего, я не имел в виду беспорядочные сексуальные связи между людьми. Ни в коем случае. Метод, предполагающий подобные, скажем так, процедуры, осуществляется только между супругом и супругой, но подразумевается, что таких замужних пар несколько.

– Несколько, это сколько? – спросил Брэндон.

– Четыре пары.

– Почему именно четыре?

– Я бы не стал утверждать, что взял это число с потолка, но и какой-то определенной логики тут не прослеживается. Просто посчитал, что четыре пары – это достаточно для того, чтобы мой метод сработал.

– И он сработал?

– Да.

– И сколько вы уже провели таких... – Брэндон замешкался, – сеансов? Правильно ведь? Сеансов?

– Можно и так выразиться. Всего два.

- И оба успешны, по-вашему?
- Абсолютно.

14 лет назад.

- Джеймс?
- Никакого ответа.
- Джеймс?

Из своего кабинета в коридор стал выглядывать мужчина, чья макушка была лысой, а вокруг нее росли еще не поседевшие волосы. Мужчина сделал еще одну попытку, проявляя терпение и не переходя на повышенный тон:

- Джеймс?
- Молчание.

Мужчина обвел взглядом свой стол, словно он что-то пытался найти.

«Может, карандаш в коридор кинуть?»

- Джеймс? – все так же спокойно повторил мужчина.

Пол в коридоре заскрипел. Глухие звуки под полом сопровождались быстрыми шагами, приближавшимися к кабинету. В дверях показался молодой человек, все в той же белой футболке, что он не снимал уже неделю, в потрепанных черных джинсах и белых кедах в оранжевую полоску.

– Джеймс, скоро придет мистер Рассел. Пожалуйста, наведи порядок в приемной, – сказал мужчина.

- Да, сэр.

Джеймс скрылся в коридоре и приступил к выполнению поручения. Он собрал все книги, которые прочитывал одну за другой, и выставил их на стеллажной полке. После этого он расчистил свой стол, спрятав в выдвижных ящиках лишнюю бумагу и канцелярские принадлежности.

- Все готово, сэр.
- Спасибо.
- Скажите, а это тот самый мистер Рассел, которого трудно вывести на диалог?
- С чего ты взял?

– Я уже слышал эту фамилию. Кажется, раньше у мистера Моркинса был клиент с фамилией Рассел, и он ничего не смог сделать, потому что тот не желал разговаривать.

– Джеймс, объясни мне одну вещь – как так получается, что человек по своей воле приходит к психологу, но при этом он не хочет общаться? Для чего тогда ему вообще приходиться?

- Может быть, чтобы его просто пожалели?

– Возможно. Но как бы там ни было, человека всегда можно вывести на диалог. Я хочу, чтобы сегодня ты присутствовал здесь, пока я буду общаться с мистером Расселом.

- А его не смутит мое присутствие?
- Не думаю.

Вскоре мистер Рассел появился в их офисе. Джеймс открыл ему дверь и сразу пригласил в кабинет.

– Здравствуйте. Я Карл. Мы с вами общались по телефону, – сказал психолог, поднявшись с кресла и протянув мистеру Расселу руку.

- Добрый вечер, – сказал он в ответ.

Оба сели. Джеймс расположился напротив на кожаном диване, что стоял у стены. Так он мог видеть сразу и Карла, и его клиента.

– Вы не будете против, если с нами будет присутствовать мой помощник? – Карл указал на Джеймса.

– А он...

– Не переживайте. Все, что обговаривается в этом кабинете, остается только здесь. На помощников психологов тоже распространяется соглашение о неразглашении информации, – сказал Карл, словно он читал мысли своего клиента.

– Хорошо. Я не против.

– Славно. Итак, мистер Рассел, как вы поживаете?

– Спасибо. Хорошо.

После этого наступило молчание. Карл смотрел на мистера Рассела, улыбался, но ничего не говорил. Мистер Рассел начал осматривать кабинет. Потом, он в конце концов спросил сам:

– А как поживаете вы?

– Отлично.

Опять наступило молчание.

– Я заметил, у вас появился второй стеллаж для книг, – сказал мистер Рассел.

– Да. Джеймс много читает.

– А вы?

– Я не особо люблю чтение.

– Почему?

– Все книги, которые мне нужны были, я давно прочел. В остальном это пустая трата времени. Как ваша семья?

– Прекрасно. Вчера у моей дочери был день рождения.

– Поздравляю. Сколько ей исполнилось?

– Двенадцать лет.

Карл взял паузу. Он улыбнулся и опустил глаза вниз. Молчание продолжалось несколько секунд, но Джеймс успел ощутить всю неловкость этого момента.

– А-а-а, как ваша дочь? – прервал короткое молчание клиент.

– Что? – спросил Карл. Он сделал такой выражение лица, будто его прервали от глубоких размышлений.

– Ваша дочь, – повторил мистер Рассел.

– У меня нет дочери. Только сын.

– Простите. Видимо, я что-то перепутал. Как его зовут?

– Питер.

– Да-да! Точно, Питер. Странно, как это я мог забыть...

– Вчера он сломал руку, – сказал Карл и вновь опустил глаза.

– Да что вы?! Серьезно?! Сильный перелом?! – обеспокоенно спросил мистер Рассел.

«Вот это да!» – решил Джеймс, увидев, как у Карла проявлялся актерский талант.

– Ничего страшного. Иногда дети любят сломать себе что-нибудь, – ответил Карл.

– Какой ужас!

– Все в порядке. Врач сказал, что никаких серьезных последствий не будет, но костям придется долго срастаться.

– А как это случилось?

– Падение с велосипеда. Я так и не научил его правильно группироваться.

– Это очень важно. Когда моя дочь была поменьше, я каждый раз напоминал ей об осторожности. Она так любила носиться на велосипеде, что грохот стоял по всему дому. А знаете, что она на нем вытворяла?

– Что?

– На втором этаже, посреди коридора, она на полу выставляла в один или два ряда свои игрушки. Потом она садилась на велосипед и начинала стартовать. К середине она умудрялась

набирать такую скорость, что игрушки из-под колес летели до самой лестницы! – воскликнул мистер Рассел и расхохотался. Карл тоже начал смеяться.

– О-о-й, – вздохнул мистер Рассел, немного успокоившись. – Да-а-а, как вспомнишь...

– Главное, что таких поводов для воспоминаний будет еще много, – сказал Карл.

– Надеюсь...

– Так что с вашим здоровьем?

– Да-а-а, – мистер Рассел махнул рукой, – на самом деле, все хорошо. Я бы даже сказал – все отлично. Я здоров, моя жена здорова, дочь тоже здорова. Это самое главное.

– Согласен с вами.

Спустя десять минут мистер Рассел ушел в очень хорошем настроении. После того, как Джеймс его проводил, он забежал в кабинет к Карлу и спросил:

– Простите, но... что это вообще было? Мне показалось, или этот мистер Рассел психически болен?

– Ты был прав, Джеймс. Этот тот самый мистер Рассел. С ним несколько раз пытался поработать наш общий знакомый, мистер Моркинс, но безуспешно. Тот не произнес ни слова.

– Как вам это удалось?

– Просто заставь человека задавать вопросы. Люди не любят молчание в такие моменты. Им становиться не ловко от этого. Ладно, на сегодня все. Можешь идти домой. Или оставайся. Только не забудь закрыть кабинет, как пойдешь домой.

Карл собрал свои вещи и ушел. Джеймс остался в офисе, чтобы посмотреть немного телевизор. Спустя один час и он собрался, закрыл дверь офиса и пошел домой. Он вернулся в небольшую двухкомнатную квартиру, которую он снимал вместе со своим лучшим другом, Риком Кроуфордом. Квартира находилась в небольшом пятиэтажном доме, и таких домов было много. Здешнее жилье облюбовали студенты – учащиеся в колледже, и многие хозяева квартир сдавали их. Сам Джеймс с Риком проживали вместе, пока учились в том же четырех-летнем колледже, что и многие из молодых людей, приютившихся в этих домах. Когда Джеймс зашел в квартиру, он услышал звуки плещущейся воды в ванной. Дверь была приоткрыта, и Джеймс заглянул внутрь. Он увидел, что Рик вручную полоскал белье в воде.

– Привет, Рик.

– Привет, – недовольно ответил тот, не прерывая процесса стирки.

– Что-то случилось?

Джеймс заметил, что вода в ванне была немного багрового цвета, а на белой простыне виднелись красные пятна.

– Это еще что? – Джеймс занервничал. – Это что, кровь? Твоя?

Рик не отвечал. Он продолжал активно полоскать простынь, натирая ее и, тем самым, надеясь полностью избавиться от пятен. Целиком они не сходили, только лишь немного бледнели, а тот красный слой, что удалось с них смыть, теперь плавал в воде.

– Да что случилось, твою мать? – Джеймс начал злиться.

– Помнишь Руби Спарк? – начал Рик, весь кряхтя. Он поднимал прибавившую в весе от впитанной воды простынь и резко опускал обратно.

– Та местная шлюха?

– Да, шлюха...

– Не понял... – сказал Джеймс. – Это что, сарказм?

Рик оставил полоскание простыни, бросив ее в воду. За долгое время он впервые выпрямился, держась за свои бока. Он взглянул на Джеймса, а по его лбу скатывались капли пота. Нервно дернув головой в его сторону, он резко заявил:

– Девственницей оказалась твоя шлюха.

Джеймс не мог поверить своим ушам.

– Руби – девственница?!

– Ну, теперь уже нет, – Рик вновь принялся за простынь. Опять кряхтя, он добавил: – Нет, я-то подумал, это у меня что случилось... Ну тогда, наверное, боль бы там была, так ведь? А тут она заорала, я вытаскиваю, смотрю – а у меня член в крови. Представь, каково мне было... Я чуть не обоссался.

– погоди... – начал Джеймс, – я знаю, что она еще та подстилка, и тогда ее трахали сразу трое, эти, как их?

– Да? А ты видел, куда ее имели те трое? Да и имели ли вообще?

Джеймс ничего не ответил.

– Я тебе вот что скажу, Джеймс – хватит быть наивными придурками. Иногда человек оказывается вовсе не тем, за кого себя выдает.

Глава 3

Спустя 2 часа после посещения кабинета Джеймса Бишопы Фрэнком Даремом.

– Это что, шутка?

– Нет. Ты же знаешь, я не умею шутить.

– Скажи мне только одно, Фрэнк – как сильно тебя сегодня стукнули по голове, что в ней родилась такая блестящая мысль о посещении мозгоправа? – Сюзан растянула слово «блестящая», обозначая бредовость всей ситуации.

– Не истери, Сюзан, – высказал просьбу Фрэнк. Он пытался развязать свой галстук, но у него не получалось.

– Фрэнк, ты возвращаешься домой, говоришь, что нанес визит к этому Бишопу и... Ах, да! – Сюзан щелкнула пальцами. – Спасибо тебе большое, Фрэнк. Спасибо. Хвала Господу, что он устроил себе кабинет в самом крупном бизнес-центре, а не где-нибудь в сарае на ферме у дяди Тома – тебя там все видели. Теперь я буду ждать, когда на меня начнут показывать пальцами на улице, потому что мой муж ходил к этому Бишопу, что устраивает оргии!

Сюзан перевела дух.

– Ты, кажется, не закончила?

– Нет! Так вот, Фрэнк, ты сказал, что был у него, и теперь нам нужно ехать не пойми куда, чтобы поучаствовать в этих...

– Чтобы пройти курс.

– Курс. Хорошо. Назовем это безумие так – курс. Фрэнк, может, ты меня держишь за ненормальную? Нормальный человек никогда не согласится на такое.

– В том числе и на то, чтобы решить проблемы?

– Фрэнк, да, я согласна – у нас есть проблемы, но решать их надо как-то по-другому, понимаешь?

– Прости меня.

Сюзан не смогла сразу подобрать слов в ответ на извинения Фрэнка – для нее они прозвучали неожиданно.

– Ладно, перестань, Фрэнк. Ничего страшного. Я люблю тебя, – сказала Сюзан и направилась к своему мужу. Ей захотелось обнять его.

– Нет, прости меня, что твой муж оказался таким... равнодушным.

– Что? – Сюзан остановилась.

– Прости. Я беспокоюсь о нашем браке, беспокоюсь о нашей семье.

– Ты говоришь, что мне наплевать на все это?!

– Я говорю, что я равнодушен.

– А я?

– А что ты? Я решил сделать первый шаг – сходить к специалисту и посоветоваться. И кстати, я ничего не решал за нас двоих. Я рассказал тебе, чтобы решить вместе – стоит ли нам это делать или нет.

– Спасибо тебе, что ты ценишь мое мнение, Фрэнк. Мой ответ – НЕТ!

– Посмотрите вокруг, – человек сделал паузу, – приглядитесь к тому, что нас с вами окружает, – вновь пауза. – Наши города превратились в одни сплошные рекламные щиты, – пауза. – А что нам рекламируют?

Джеймс Бишоп сидел у экрана телевизора. За окном давно наступила ночь, и единственное, что создавало небольшое освещение в темной комнате, так это мерцающий экран небольшого телевизора, стоящего на высокой тумбе с четырьмя выдвижными ящиками. Показывали выступление какого-то сатирика. Его голос был монотонным, но интригующим.

– Как вы думаете, что это? – выступающий взял со столика, что стоял рядом с ним на сцене, баллончик, похожий на тот, какими пользовались уличные художники, наносящие граффити на стенах заброшенных зданий. В зале все молчали. – Ну, как думаете, что это?

– Освежитель воздуха, – кто-то выкрикнул из зала, вызвав хохот среди остальных.

– Один мой друг тоже так подумал, когда впервые увидел, – сказал сатирик. – Нет, это не освежитель воздуха. Я привез это из Японии. Человек, владелец магазина, в котором продаются такие штуки, заработал на этом целое состояние. Видели бы вы, как эти баллончики расхватывают с полок. Хотите узнать, что это? – сатирик услышал несколько «да». – Если верить надписи, то тут содержится воздух, кислород с подножья горы Фудзияма. Забавно, правда?

Сатирик выставил вперед руку с баллончиком, показывая его зрителям в зале. Кто-то из операторов направил камеру прямо на него, и каждый, кто в этот поздний час был у экрана, мог рассмотреть, что было изображено на этом баллончике: заснеженная гора – Фудзияма.

– Вот сюда вставляется специальная маска для вдыхания, она идет в комплекте. Я ее прихватил с собой. Смотрите, – сатирик вставил маску в баллончик и прижал ее ко рту. Сверху он медленно начал надавливать на баллончик, создавая внутри его давление для выхода воздуха. Сатирик сделал два вдоха. – Ну вот. Сейчас я побывал у горы Фудзияма. Подышал. И что?

В зале раздался легкий смех.

– Если честно – я не почувствовал никакой разницы. Может, вы подумали, что я начну рассказывать, какой я ощутил приятный запах цветущей сакуры вместе с прохладой? Вынужден вас расстроить – ничем подобным тут не пахнет. Простой кислород. Я сейчас выйду на улицу и почувствую то же самое. Вы не представляете, каких только там не было запахов в этих сраных баллончиках. А как вы думаете, какой запах самый дорогой?

– Запах из борделя, – выкрикнул рябой мужчина с пивным животом, надеясь, что его сочтут остроумным в зале. Опять раздался смех.

– Нет, – сказал сатирик, – но и такие там были. А еще я видел запах с улицы красных фонарей, что в Амстердаме.

– Запах чьей-нибудь подмышки, – появилось другое предположение.

– О, я думаю, это хорошая идея. В следующий раз, когда буду в Японии, я заскочу к этому бизнесмену и предложу ему запах своей.

Зал впал в истерику. Джеймс смотрел, как показывали людей с раскрытыми ртами. Из их глоток вырывался нездоровый смех. У некоторых выступали слезы.

– Нет, правда, зайду такой к нему, подниму руку, пальцем буду тыкать в подмышку и голосом самурая, вызывающего на бой другого, прокричу: «Ты! Какова цена?!»

Новая волна взорвавшихся воплей. Еще сильнее.

– А он, как суетливый желток, подбежит ко мне, приняхается и скажет: «М-м-м-м-м-м-м-м-м, сто пятьдесят!»

Рябого мужчину не стало видно. В эйфории он скатился с кресла, оказавшись в ногах дамочки, сидевшей с ним по соседству.

– А потом я повернусь к нему спиной, спущу штаны, нагнусь и, как отважный ниндзя: «А отсюда?!»

Публика провалилась в нечто, напоминавшее агонию. Джеймс заметил, что картинка на телеэкране стала потряхиваться – на оператора тоже нашел смех.

Состояние полной расслабленности еще долго не уходило. Никто ничего не говорил. Сатирик смеялся вместе со всеми, но его смех можно было назвать смехом нормального человека, в то время как зрители в зале потеряли рассудок, и вместо смеха извергался рев.

– Так вот, – продолжил сатирик, увидев, что зал немного успокоился, – самым дорогим воздухом оказался так называемый запах трущоб Йоханнесбурга. Ну, это уже для неизлечимых извращенцев, что нюхают обоссанное нижнее белье.

Вновь усиливающийся смех, но не настолько сильный, как прежде.

– Все это, конечно, очень смешно, – заметил сатирик, – если бы не было настолько грустно, – на удивление Джеймса сатирик убрал свою вечную ухмылку с лица и сделал серьезный вид.

– Сама эта идея японского желтка... то есть, японского бизнесмена, выглядит просто – продажа воздуха, и одновременно – гениально. И вот это мое представление о гениальности в данном случае пугает меня больше всего. Я подумал: «А что мне помешало съездить к этой горе Фудзияма? Я ведь был в Японии! Почему я купил этот баллончик, вместо того, чтобы пойти и реально постоять возле этой горы, подышать этим воздухом?» Меня это сильно ошарашило. Этот торговец воздухом набил свои карманы деньгами благодаря своей идее, и, так как эта идея сработала, мы готовы повесить на нее ярлык «гениально». Другими словами – она гениальна, потому что она направлена на мракобесие людей. Что такое мракобесие? Это отвержение прогресса. Какого прогресса? Неужели научного? Нет, не научного, а умственного! Уже завтра мне задницу будет подтирать робот, который будет еще и готовить мне на кухне. А потом, упаси Боже, у меня возникнуть чувства к... роботу. Его запрограммированная забота о людях околдует меня – существо с эмоциями и чувствами. А потом что? Мысли о роботе, пока засыпаю? Секс с железом, напичканным проводами? Реальный секс? Невежество и мракобесие – вот что погубит нас! Невежество в незнании самих себя, мракобесие в отвержении понимания того, что нам нужно измениться, что нам нужно навести порядок в наших головах, что нам нужно сменить регресс на прогресс в наших мозгах. Я ненавижу того человека, который сказал, что новая хорошая идея состоит из двух хорошо забытых старых. Это утверждение исключило возможность человеческого мозга думать о чем-то действительно новом, о чем-то таком, что ново не только внешне, но и внутренне, в самой ее сути! Оказывается, нам не нужно ничего действительно нового – я хочу дышать воздухом. Где мне его взять? Сколько он стоит? Приятель, все здесь. Ты уже им дышишь. За него не надо платить. Не обманывай себя! Не дай другим обогатиться за счет твоего незнания. Знай! Знай, что запах Йоханнесбургских трущоб не только в этом баллончике, но он и тут, прямо тут, где ты стоишь, и в твоей голове. Исправь это! Уничтожь старый Йоханнесбург с его жилыми массивами, построенными друг на друге домами, где в одном из них несчастная мать работает на трех работах, чтобы прокормить своих детей, а в доме, что сверху, приезжий турист из, так называемой, цивилизованной страны ласкает десятилетнего мальчика, пока его мамаша отчитывает деньги, что тот заплатил за такую возможность. Потом этот турист вернется, кто знает, может к нам, после райского отпуска снова сядет в кресло банковского клерка, каких тысячи, и вы придете к нему, чтобы выпросить одобрение на получение кредита для ремонта своего дома. А вместе с трущобами Йоханнесбурга уничтожь и трущобы Дели, Мехико, Рио-де-Жанейро, да вообще всех городов. И американских тоже. Только сначала позаботься о тех людях, которые вынуждены там жить. Дай им временный дом. Разрушь эти рухляды. Отстрой новые, красивые дома, где один не похож на другой. Где каждый дом – произведение искусства! И всели туда этих людей. Вот что действительно новое! Вот вам стремление к прогрессу не в техническом плане, а в общечеловеческом. Понимаете? Ч-Е-Л-О-В-Е-Ч-Е-С-К-О-М.

Завороженные зрители в зале слушали, что рассказывал им сатирик, плавно перешедший от низких, пошлых шуток к философским размышлениям о жизни, которую он видел вокруг себя. Два качества – низость и благородство, такие не похожие друг на друга, присутствовали в сатирике, «жили» по соседству в нем.

Джеймс резко открыл глаза и выпрямился в кресле. Выступление сатирика по телевизору сменилось выпуском ночных новостей. Он сам не заметил, как стал дремать, но ничего из ска-

занного шоуменом не прошло мимо его ушей. В полудреме он услышал мнение, каких и так было не мало, о мироустройстве человека и о его ценностях. Каждый для себя мог интерпретировать эту информацию, как ему хотелось. «Торговля» и «воздух» – эти слова крутились у дремавшего Джеймса в голове.

«Торговец воздухом» – последнее, что успело всплыть в его разуме, прежде, чем он снова погрузился в сон, в этот раз глубокий. Шел третий час ночи.

За стеной, что отделяла комнату спящего Джеймса от комнаты Рика, раздавались стоны. Рик привел очередную спутницу. Джеймс уже привык не обращать внимания на своего друга и его дела с девушками, которых он водил к ним в квартиру. Вот и сейчас Джеймса ничего не беспокоило. Он спал как младенец. Раздавались звуки, но он их не слышал.

Через десять лет Джеймс, что называется, пустится в свободное плавание – откроет свой офис и начнет принимать клиентов. Через одиннадцать лет, имея за своей спиной опыт в один год самостоятельной практики, он окончательно убедится, что мистер Мо был прав – человеческое самовнушение – штука прочная и опасная, а большинство проблем у людей такие же надуманные, как и мифические животные, что обитают в озерах.

– А соседу мы не помешаем?

– Нет.

– Как нет? Он же прямо тут, в соседней комнате, смотрит телевизор.

– В баре ты была посмелее, Кейт.

– Не знаю, Рик, я не могу так...

– Почему? Что тебе мешает?

– У меня чувство, что я нахожусь в борделе. Тут не хватает лампы с красным фонарем.

– И чем это моя комната напоминает тебе бордель?

– Нет, нет. Я не это имела в виду. Я не могу делать это, зная, что кто-то сейчас рядом, в соседней комнате.

– Ну что тогда делать? Пойти на лестничную площадку?

– Мог бы привести сюда проститутку, например, Руби Спарк.

Рик поморщился, услышав имя Руби. Горькие воспоминания об их встрече надолго засели в его памяти.

– Я никого сюда не привожу.

– Да, да, конечно.

– А почему ты сказала так о Руби? Она что, реально проститутка?

– Она? Она самая продажная девица, с которой мне только приходилось встречаться.

– Не знаю. По мне, так она вполне нормальная девушка.

– Нормальная девушка? Нормальная девушка не будет принимать сразу троих.

– В смысле? – Рик сделал вид, что не знает, о чем идет речь.

– Ты не знал? – удивилась Кейт. – Ее трахали сразу трое. Чак Фейлли, который с факультета журналистики, Ричард Колт, он, вроде, тоже журналист, и этот... с факультета истории... как его... забыла. Я не помню.

– Ты что, сама видела?

– Нет. Я ничего не видела. Но в наше время трудно что-то долго скрывать. У всех есть уши. Даже у стен, – Кейт усмехнулась. – А уж если за стеной кто-то есть... – она повернула голову чуть в сторону, где за стеной раздавались звуки телевизора. – Твой сосед все время смотрит телевизор допоздна?

– Нет. Не всегда. Он и телевизор-то мало смотрит. В основном читает.

– Дай угадаю – там сидит такой худой, светловолосый, весь покрытый прыщами, смазливый мальчик. В очках с большими круглыми оправами.

– Ни разу не попала. Ну, раз уж только, если худой. У тебя такие обыденные представления о человеке, который много читает... Они ложные.

– И после подобных слов ты хочешь, чтобы у нас что-то было? – вполне серьезно спросила Кейт.

– Каких слов?

– Ты называл меня тривиальной, простой.

– Я уже и забыл, для чего мы сюда пришли. Ты любила кого-нибудь?

Вопрос как молния среди ясного неба.

– Я? – немного растерялась Кейт. – Может, ты сначала ответишь на мой вопрос? – неуверенно спросила она.

– Я не называл тебя тривиальной. Просто ты так же неверно думаешь о читающих людях, как многие другие.

– На самом деле, я сама много читаю.

– Я это понял.

– Откуда?

– По тебе видно.

– Правда? Видно? И что ты видишь?

– Начитанного человека, – Рик улыбнулся.

– Наверное, я бы спелась с твоим соседом. Думаю, с ним можно было бы обсудить многие книги.

– Думаешь? Может быть, позовем его сюда? Вы поговорите. Обсудите. А там он, возможно, присоединиться к нам... ну... в этом плане, – Рик подыграл Кейт, подергав своими глазами и сделав дразнящую улыбку.

– Я оценила твою шутку, Рик. А еще я полностью убедилась, что ты идиот. Не боишься, что я решу уйти к нему, а тебя оставлю?

– Я буду за него только рад. Нет, я, конечно, впаду в депрессию, но за Джеймса буду рад.

– Почему? – спросила Кейт, ощущая что-то похожее на комплимент.

– Потому что буду знать, что ему досталась действительно хорошая девушка. Он ведь мой лучший друг, а лучший друг должен получать все лучшее.

– Вот ты лис! Все надеешься, что я растаю?

– Количество принятого тобой алкоголя сегодня позволяет мне так думать.

– Уже все выветрилось.

– Так как насчет группового секса?

– Уже все выветрилось, – повторила Кейт.

– А если бы не выветрилось, ты бы согласилась?

– Нет.

– Почему?

– Ты же меня назвал хорошей девушкой, Рик. Хорошая девушка не будет участвовать в групповом сексе.

– Да, но среди хороших парней не может быть плохой девушки.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что я и Джеймс действительно хорошие парни, и твое участие в групповом сексе с нами не делает тебя плохой.

– Мы знакомы всего несколько часов, Рик. За такое короткое время нельзя определить – плохой человек или хороший.

– Определить нельзя, а почувствовать можно, – Рик достал из кармана джинсов пачку сигарет. Предложил одну Кейт, та отрицательно повертела головой, и тогда он спросил: – Ты не против, если я покурю?

– Не против. А хозяйева квартиры не против?

– Не знаю. Я у них не спрашивал.

Рик встал у окна и открыл его. Закурив, он сделал глубокую затяжку и выдохнул дым, направив струю на улицу.

– Что ты любишь читать? – спросил он.

– Классику. Гюго, к примеру.

– Джеймс тоже любит Гюго.

– Уже два – ноль в пользу Джеймса, Рик.

– Ну, как минимум, два – один.

– Откуда ты взял один?

– Ты ко мне пришла, – развел руками Рик, держа сигарету в зубах. – Прости за откровенность, Кейт, но мы сейчас бы уже давно занимались сексом, если бы не тот факт, что в другой комнате сидит человек.

– Теперь ты обвиняешь во всем Джеймса?

– Я никого не обвиняю. Я просто констатирую факт.

– С чего ты взял, что я пришла к тебе ради секса?

– А ради чего же еще?

– Пообщаться. Посмотреть, как ты живешь.

– В два часа ночи? Кейт, не пытайся мне запудрить мозги. Когда мы пришли, ты сказала: «Я не могу этим заниматься, когда рядом кто-то есть». Ну, или что-то подобное, но слова «этим заниматься» точно присутствовали. Скажи, что ты имела в виду, говоря «этим заниматься»?

– Не ломай себе голову, Рик. Женскую логику понять труднее всего.

– О-о, ты самокритичная. Я тоже.

Кейт и Рик замолчали. Они только смотрели друг на друга, а их лица излучали застенчивые улыбки. Рик не был пропитан только одними мыслями о сексе с Кейт – он думал еще и о ее красоте, такой настоящей и скромной. У него зарождалось что-то еще, кроме простого желания совокупиться. Что-то по-настоящему чистое и светлое. Что-то доброе.

«Что эта девушка делала в этом грязном баре?»

«Неужели она была готова залезть ко мне в постель?»

«Но ведь она пришла сюда ради этого...»

«Может, я так сильно охмурил ее? Еще и этот чертов алкоголь...»

«Чертов алкоголь?! Чертов?! Алкоголь?!»

Рик впервые возненавидел алкоголь. До этого алкоголь являлся для него эффективным помощником, средством в достижении своих целей. А сейчас он думал не о том, на что способен человек под воздействием спиртного, а что делает спиртное с человеком. Образ его мышления сменился в эту ночь.

«Сколько же таких, как ты, Кейт, красивых и чистых, погубило это дерьмо! Сколько девушек превратилось из наивных ангелочков в грязных шлюх?! Я ненавижу алкоголь! Будь ты проклят! Все это – дерьмо! Я – дерьмо! Мне двадцать пять лет, и я – дерьмо! То, что произошло с Руби Спарк – дерьмо! Все эти бесчувственные траханья – дерьмо!»

– Рик, ты в норме? – с заботой спросила Кейт. Рик поник, а его тело еле держалось на ногах.

– Все хорошо, Кейт.

Он повернулся к окну и выбросил окурочек. Тлеющая сигарета прочертила в ночном воздухе огненную линию, а столкнувшись с асфальтом, разбилась на десятки маленьких, быстро

погасших красных «фонариков». Вместе с ними погасло и последнее желание Рика закурить. Это была его последняя сигарета в жизни.

– Пойдем. Я отведу тебя домой. Поздно.

– Ну... хорошо, – проговорила Кейт. Что-то ее тут держало. Что-то ей словно нашептывало: «Останься».

– Где твоя куртка? У тебя не было куртки? – Рик обвел взглядом комнату. Кейт молчала. – Вот, надень мою.

– Рик, не нужно. Тут идти-то всего ничего...

– Надень! – настоял Рик. – Пойдем.

Они вышли в коридор. Из комнаты Джеймса раздавался сильный хохот. Телевизор все так и работал.

Рик и Кейт спустились с третьего этажа. Выйдя на улицу, оба почувствовали резко наступившую приятную ночную прохладу. В воздухе ощущалась свежесть.

Пара шла по хорошо освещенному чистому тротуару вдоль дороги. Город спал. Огни в домах были погашены. Тишина и покой. Только шелест листьев.

– Здесь совсем недалеко. Дом, где я живу, относится к тому же жилому комплексу, что и твой.

– А где бы ты хотела жить в будущем?

– В будущем? В смысле, территориально?

– Ну, нет, в большой квартире или в собственном доме?

– Вилла тебя устроит? – спросила Кейт и рассмеялась.

«Какой искренний смех», – подумал он.

Рик промолчал. Он только улыбнулся.

– Мы пришли. Стоило ради пяти минут выходить тебе на улицу?

«Стоило».

– С кем ты живешь? – спросил Рик.

– С подругой. С кем же еще?..

– Я прослежу, чтобы ты зашла в квартиру.

– Не нужно, Рик...

– Пойдем.

Они зашли в подъезд дома. Здесь он ничем не отличался от того, в котором жили Рик с Джеймсом. Поднявшись на второй этаж, Кейт достала ключи из сумки и как можно тише открыла дверь.

– Кейт?

– Да?

– Ты бы хотела еще раз встретиться? Может, сходим куда-нибудь?

– Да! – обрадовалась Кейт. – Давай прямо завтра? Я буду дома около семи.

«Завтра... около семи... это так долго...», – с сожалением подумала она.

– Тогда... в семь? Или...

– Нет. Давай ровно в семь.

– Ладно...

Рик стоял у открытой двери в квартиру, на порог которой зашла Кейт. Никто из них не хотел прощаться.

– Тогда я, наверное, пойду...

– Да, то есть, может быть...

«Зайди ко мне...»

– Пока, – решил Рик.

– Пока, – еле проговорила Кейт. Она вспомнила про куртку и, сняв ее, отдала ему.

Рик развернулся и спустился по лестнице. Преодолев один пролет, он обернулся. Кейт до сих пор не закрыла дверь, только немного прикрыла ее, а сама смотрела на Рика. Их взгляды опять столкнулись, вызвав детские улыбки.

Рик вернулся домой. Счастливый от встречи с Кейт и расстроенный от их расставания, пусть и не такого долгого, он подумал зайти к Джеймсу. В его комнате все еще работал телевизор. Тем не менее, Рик передумал и пошел в свою комнату.

«Кейт...»

Звонок в дверь.

«Кейт! Нет, не может быть...»

Рик быстро подошел к двери и открыл ее. Это была Кейт. Его Кейт.

Впервые он почувствовал настоящую страсть. Кейт не была его очередной девушкой на ночь, она была человеком, с которым Рик познал истинную красоту любви и блаженства. Человек познает настоящее через фальшивое. Он познает радость через горечь.

Они занимались любовью. Рик, до этого не раз вступавший в половой контакт с девушками, понимал, что все, что он до этого чувствовал – ничто. Да и чувствовал ли тогда по-настоящему?

Через три месяца Рик познакомил Кейт со своими родителями, а еще через месяц они поженились.

Глава 4

– Мистер Бишоп, я слышал, что у вас на приеме был известный художник, Марк Галбрейт. Это правда?

– Нет, – ответил Джеймс. – Марк Галбрейт никогда не обращался ко мне.

Вопрос задал некий Крис Мерфи, один из экспертов. Ответ Джеймса его не устроил.

– У меня другая информация, – продолжал Крис Мерфи, – я знаю, что он у вас был. Вы его тоже отправили участвовать в оргии?

Джеймс сохранял спокойствие. Он не хотел раскрывать какую-либо информацию о своих клиентах.

– Вы меня слышите? – невозмутимо спросил Джеймс. – Я четко ответил вам, что никакой Марк Галбрейт никогда не обращался ко мне. Если бы вы были уверены в своей информации, вы бы не задавали этот вопрос. Кроме того, я уже говорил, что я применяю не только метод, о котором вам рассказывал в начале, и не факт, что человеку, который ко мне придет, я порекомендую именно его.

– А чем вы руководствуетесь при выборе того или иного метода? – спросил другой эксперт, Ричард Дайсон.

– Как и все психологи, – начал Джеймс, – я смотрю на суть проблемы, что беспокоит моего клиента, и даю четкие рекомендации в целях ее устранения.

– Но так работают исключительно все, мистер Бишоп, разве нет? – уточнил Ричард Дайсон. – Почему же вы говорите о своей исключительности?

– Я даю четкие рекомендации для действий. Они эффективны не только с точки зрения конечного результата, но и с точки зрения продолжительности их применения – она намного меньше, чем при простой болтовне, которую обычно любят вести психологи.

– Послушай, ты!.. – Ричард резко замолчал и оглянулся на окружающих. – Ты пришел сюда с целью опустить в глазах миллионов людей других психологов?

Напряжение в зале начало расти.

– Нет. Я не оспариваю опыт и профессионализм моих коллег, включая и ваши, мистер Дайсон. Я лишь указываю на проблему общей методики осуществления нашей с вами работы, – Джеймс взглянул прямо в глаза Ричарду.

– И в чем же заключается проблема, мистер Бишоп?

– В зачастую бесполезных разговорах, которые ведут психологи с клиентами. У меня большой практический опыт. Я наблюдал за несчастными людьми, которые ко мне приходили. Это было в начале моей самостоятельной работы. Я хочу сказать, что я совершил тогда много ошибок – я не решал проблему человека, напротив, я еще больше углублялся в нее, втягивая в это самого клиента. Каков итог, господа? – Джеймс развел руками. Он вошел в кураж. – Клиент, вместо того, чтобы выйти из моего кабинета не подавленным, еще больше убеждается в своей мнимой, надуманной ничтожности. Хороший я психолог, ничего не скажешь! – воскликнул он.

Бриджет всецело поддалась чарам Джеймса. Ее взгляд был направлен только на него. Она чувствовала себя, как молоденькая девушка из группы поддержки футбольной команды, в которой она когда-то участвовала в школьные годы. В ее памяти начали всплывать воспоминания о тех временах: эти взгляды зрителей, напряжение, нервы матерей, чьи уже достаточно взрослые сыновья бились друг с другом за мяч на поле, кровь, их крики от радости, слезы от поражения, азарт, соперничество, даже что-то далеко напоминающее борьбу за выживание.

Джеймс Бишоп продолжал:

– Задача каждого психолога – помочь человеку, облегчить его душевные беспокойства, задать ему верное направление, наконец, но не добиваться этого, нарезая круги вокруг да

около, или еще хуже – пытаюсь проникнуть глубоко в его душу. Проблему необходимо четко увидеть, ее необходимо четко осознать, рассмотреть, но не нужно для этого обнажать его душу, вскрывая все новые и новые подробности его прошлого и настоящего. Это может ему навредить. Постоянно всплывающие факты, говорящие не в пользу добрых черт человека, вносят свой вклад в безуспешную работу с ним – человек может еще больше уйти в себя, отстраниться, он может еще больше убедиться в безнадежности своего существования. А кто помогает ему в этом? Его психолог. Простите, но я не готов так работать...

– Мистер Бишоп... – начал Брэндон Фейн.

– Простите, я не закончил. Душа человека, это как большой город со своими улицами и закоулками. Чем больше вы будете ходить по его ночным улицам, чем больше вы будете заворачивать в новые закоулки, освещая их фонарем, тем больше вы встретите мусора. Простите, если я так выражаюсь, но со мной все согласятся, если я скажу, что человек – существо не идеальное. Каждый человек, как город, имеет свои темные, грязные и не слишком закоулки.

«Не останавливайся...» – мысли Бриджет шли в один такт со словами Джеймса.

– Мистер Бишоп... – ведущий убедился, что Джеймс закончил свой монолог.

– Да?

«Не останавливайся»

– Объясните одним словом, в чем выражаются ваши методики?

– В простоте.

– В простоте... чего?

«Не останавливайся»

Где-то у себя внизу, в районе живота и чуть ниже, Бриджет ощутила что-то вроде щекотки. Это доставляло наслаждение. Желание увеличивалось.

– В простоте работы с клиентом. Простота – вот основной залог успеха. Я избегаю всего лишнего. Я только вывожу на поверхность его проблему. Я делаю так, чтобы эту проблему решить. Метод, что я применяю в том или ином случае – эффективен и, самое главное, он быстро приводит к нужному для человека результату. Это позволяет не только уберечь его нервы, но и, буду откровенен, позволяет уберечь его кошелек.

«Не останавливайся. Не останавливайся».

Брэндон опешил. Он слегка откинулся в своем кресле, посмотрел в сторону центральных телекамер, но ничего не сказал. Тогда он взглянул на экспертов, в надежде, что кто-то из них скажет слово в противовес слову психолога, но те предательски молчали.

«Не останавливайся! Не останавливайся!»

– НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ, ДЖЕЙМС!

Миссионерская поза. Бриджет вцепилась ногтями в кожу Джеймса. Кажется, еще немного, и выступит кровь.

Кровать в спальне была широкой, рассчитанной даже не на двух, а на трех человек. Долгие годы в этой кровати не было никого, кроме Бриджет Оллфорд. Она овдовела почти 15 лет назад. Днями и ночами она оплакивала дорогого ей человека. Она испытывала пустоту и безысходность. Сейчас же, скрытая за телом Джеймса, она испытывала эмоции, которые была готова забыть.

– ДЖЕ-Е-Е-ЙМС!

Они тесно прижимались друг к другу. Когда Джеймс выдыхал, Бриджет вдыхала и наоборот – так они дышали друг другом, достигая наибольшего чувства единства.

– ДЖЕЙМС!

– Я хочу тебя! Я хочу тебя! – повторял он, больше не слыша ее криков, потому что его самого охватила эйфория.

Бриджет вцепилась еще сильнее, но пальцы начали соскальзывать. Спина Джеймса покрылась потом.

– Еще, Джеймс! Еще! Еще!

Джеймс непроизвольно прикусил язык. Он приподнялся, опираясь руками в кровать, и продолжал движения, разглядывая ее большую грудь. Потом он начал двигаться сильнее. Бриджет изогнулась. Из нее вырвался протяженный стон:

– ДЖЕ-Е-Е-Е-ЙМСС! ЕЩЕ! ЕЩЕ!

У нее появилась боль. Джеймс это почувствовал и замедлился, но Бриджет прокричала:

– НЕТ! ЕЩЕ, ДЖЕЙМС, МОЛЮ ТЕБЯ!

Джеймс уперся поудобнее в кровать. В его изогнутой пояснице мышцы напряглись до предела. Чуть-чуть приподняв бедра, Джеймс сделал очередной резкий толчок вперед.

– БО-О-Ж-Е-Е!

Джеймс продолжал.

– КОНЧАЙ, ДЖЕЙМС!

Наслаждение граничило с болью.

– БО-Ж-Е-Е, ДАВА-А-Й!

В это же время.

– Давай, – мягким тоном проговорила Сандра. Она целовала щеки и губы своего мужа. Она делала это особенно, вернее, старалась делать особенно, когда ее губы прикасались к его – с проникновением языка ему в рот, с прикусыванием его верхней губы и небольшим оттягиванием на себя. Руками Сандра массировала его уши. Так она хотела вызвать большее возбуждение у мужа. – Ну, давай, – говорила Сандра медленно и спокойно, пытаясь придать своему голосу романтический оттенок. – Но-о-рман... – нашептала она имя ему на ухо. Сандра почувствовала Нормана – тот вошел в нее медленно. Медленно и... как-то боязливо. Правую ногу Сандра запрокинула на него, словно намеривалась ею удержать Нормана, опасаясь, что тот снова решит прекратить и начнет подниматься с кровати.

Медленное движение Нормана назад, затем чуть быстрее вперед. Сандра застонала от приятного ощущения, почувствовав одновременно радость, что ее страхи не оправдались.

Медленно назад, вперед, назад, вперед. Сандра открыла глаза, чтобы взглянуть на Нормана – тот смотрел на нее, но когда увидел, что она стала наблюдать за ним, то увел взгляд в сторону.

«Что-то не так...» – вновь появились знакомые Сандре ощущения тревоги.

Норман продолжал движения, но он не чувствовал ничего, словно бездушная кукла. У Сандры так же быстро пропали приятные ощущения от близости, как и возникли в начале. Личные беспокойства за Нормана и за их отношения препятствовали ощущению настоящих эмоций, которых так не хватало ей. Норман был похож не на живого человека, а на робота, запрограммированного на монотонные движения и, хотя Сандра и не видела его лица, так как Норман отвернулся от нее, она знала, какой у него сейчас взгляд: холодный и мертвый. Ему будто отдали приказ и он, во что бы то ни стало, должен его выполнить, хоть и без личного энтузиазма, вдохновения и страсти.

Норман замедлился, хоть и замедляться было некуда.

– Норман...

Он молчит.

– Давай, Норман... – просила Сандра.
Толчок.

– ДАВАЙ, ДЖЕЙМС!
Толчок.

Сандра ничего не чувствовала, хоть и Норман по-прежнему был в ней.
– Давай...
Толчок.

– ГО-О-О-СПО-О-ДИ.
У Бриджет начало гореть все тело.
Толчок.
Она собралась с новыми силами.
– ДАВАЙ!
Толчок.
– ДАВАЙ!
Толчок.
– ДАВАЙ!
Бриджет сжала пальцы на ногах.

– Давай, Норман... Ну что же ты?..
Толчок.

– ДЖ-Е-Е-ЙМСС, КОНЧАЙ!
На тумбочке рядом с кроватью зазвонил мобильный телефон Бриджет. Никто не слышал мелодию.
– ДЖЕЙМС!
Толчок. Толчок. Еще толчок.
– ДА-А-А!
Джеймс вынул член. Обессиленный, он свалился рядом с Бриджет.
– Боже мой... Господи... – простонала Бриджет. Она смотрела на потолок, который то отдалялся от нее выше, то приближался к ней. Голова кружилась, а сердце билось со страшной силой.

– ДА ЧТО С ТОБОЙ, НОРМАН?! – сорвалась на крик Сандра. Она уже ничего не чувствовала.

– Прости... – сказал он тихо.

– ЧТО ПРОИСХОДИТ? ОЪЯСНИ МНЕ!

От крика Сандры их кошка, которая все это время лежала на кресле, спрыгнула на пол и выбежала из комнаты.

– Давай потом.

Норман сидел на краю кровати спиной к Сандре. Он хотел повернуть голову в ее сторону и посмотреть на нее, но не мог.

– НОРМАН! ТЫ РАЗМАЗНЯ, НОРМАН! – Сандра не контролировала себя.

– Пожалуйста, не кричи.

Она подвинулась к нему ближе и, размахнувшись рукой, ударила его по плечу, сколько в ней было сил.

– РАЗМАЗНЯ!

Норман встал с кровати и взглянул на Сандру. Удар был нанесен с таким отчаянием, что у него заболело плечо.

– Боже мой... – Сандра легла на живот и уперлась лицом в подушку. Норман услышал, как она заревела. Он нагнулся и попытался как можно нежнее притронуться к ней.

– НЕ ТРОГАЙ МЕНЯ!

Она приподнялась и попыталась еще раз ударить Нормана. Все вышло из-под контроля – она не понимала, что делает.

– Сандра...

– Уйди...

16 лет назад

– Джеймс...

Молчание.

– Джеймс...

– М...

– Джеймс!

– М-М-М...

Рик дергал Джеймса за плечо, пытаясь пробудить его.

– Джеймс, старик, вставай, мы проспали.

– Угм.

– Вставай, скотина!

Голова Рика раскалывалась на две части. Он сильнее дернул плечо Джеймса, но тот лежал неподвижно. Тогда он поднял с пыльного пола пустую пластмассовую бутылку и швырнул ее в своего друга.

– Вставай, пьяный ты ублюдок!

– Пшлл нн-а-х-р... – нечеловеческое бормотание в ответ.

– Чего-о?

– Пшл...

Рик взял со стола другую бутылку, опустошенную наполовину, и, запрокинув голову вверх, поднес ее ко рту. Жидкость потекла мимо, и только небольшая ее часть попала Рiku в рот. Он сам был чертовски пьян.

– Ах, ты, блять... – выругался он вслух, вытирая рукой свой рот и футболку. Рик решил сменить тактику: он сначала поднес бутылку ко рту, плотно обхватив ее губами, и затем вместе с ней поднял голову. Выдохшееся пиво устремилось прямо внутрь. Джеймс, чей слух в эти часы был особенно обострен, услышал, как что-то льется с жадными прорывами кому-то в глотку. Как измученное от жажды животное, кто-то с хищной прожорливостью заливал быстро льющуюся дрянь себе в желудок. Джеймс знал, что это. Он чувствовал себя паршиво. От этих звуков на него резко нашел рвотный позыв. Он быстро перевернулся с живота на спину, все его тело будто охватил спазм и...

– ДЖЕЙМС! – Рик бросил бутылку на пол. Теперь все началось разливаться по паркету. – Только этого не хватало! – Он схватил Джеймса и приложил все усилия, чтобы перевернуть его вниз головой. – Ты захлебнуться решил, придурок?

Оставив Джеймса в таком положении, Рик метнулся в ванную, чтобы взять таз. Он поставил его прямо под свисавшей с кровати головой Джеймса.

– Не умеешь ты пить, Джеймс.

– Алло, Рик?

– Привет, Джеймс! – услышал он восторженный голос в трубке. – Вспомнил старого друга! Ты куда пропал? Я не мог до тебя дозвониться весь вечер.

Джеймс решил набрать Рика, увидев пропущенные от него звонки, пока Бриджет принимала душ.

– Я был занят, Рик, извини.

– Да я мог только догадываться. Ты теперь у нас знаменитость! Можно ли мне начинать тебя поздравлять?

– Я позже тебе скажу.

– Ты что, не уверен?

– Уверен, но...

– Ладно, ладно – я все понимаю. Можешь не объяснять. Надо встретиться.

– Да, согласен. Может, завтра?

– Когда угодно, старик.

– Я позвоню тебе завтра.

– Джеймс...

– М-м?

– Тебе лучше?

– Вроде.

Джеймс сидел на кровати. Его лицо покрывали красные точки – лопнули капилляры в результате сильной рвоты. Сгорбившись, свои ноги он скрестил между собой и поджал их. Руки немного тряслись, а в голове так и раздавался болезненный звон.

– Вот, посмотри, что ты наделал... Пока я крутился вокруг тебя, твою блевотину разнес по всей квартире.

– Прости, Рик. Ах, да – пошел ты в задницу, – сказал Джеймс и заулыбался.

В ответ лишь смех.

- Ты похож на Свами, – заметил Рик после недолгого молчания.
- На кого?
- На Свами.
- Кто это?
- Поросенок Свами из мультфильма. Он такой же розовый. Прямо, как ты.

Несколько часов назад.

- Брось, Джеймс. Не подводи меня.
- Что это такое, Рик?
- Говори тише.
- Рик, объясни мне, что ты задумал?
- Ну, а как ты думаешь?
- Ты что, собрался тут прямо с тремя?!
- А что такого?
- Рик, это дело твое конечно. Мне насрать, кого ты сюда водишь, мне насрать, сколько ты денег выложил за троих, хотя я уверен, что немало, и я готов опустить глаза даже на то, что завтра ты начнешь кланяться у меня деньги, которых мне самому чертовски не хватает, но ты можешь устраивать свои развлечения в мое отсутствие, а не когда я сам возвращаюсь домой?
- Перестань, Джеймс, они услышат.
- Что, стесняешься шлюх? Ладно, хрен с тобой, я пошел, – Джеймс взял с кровати куртку, которую он бросил туда по возвращении.
- Куда ты собрался?
- Не твое дело.
- Да ладно тебе, Джеймс...
- Пойду в офис.
- В какой офис?
- В офис мистера Мо, куда же еще...
- Джеймс, уже вечер, какой тебе офис?
- У меня есть ключи. Переночую там.

Рик наполовину опустошил бутылку. Он передал ее Джеймсу, почувствовав, как простая вода освежила засохшую полость рта.

– Десять часов, Джеймс! – воскликнул Рик, пока его друг отпивал. – Самые безумные за мою жизнь десять часов!

- Да, есть, чем гордиться.
- Я про тебя молчу... ты еще тот лицемер, как оказалось.
- Я знаю, к чему ты клонишь. Я не буду возражать. Однако, мы все лицемеры.
- Я – нет. Мои намерения всегда соответствуют моим поступкам.
- Как бы не так...
- Ты же меня хорошо знаешь, Джеймс.
- Ты не представляешь, насколько хорошо я тебя знаю...
- Когда мне начинать бояться?
- Ты не будешь бояться, пока в твоей жизни не появится человек, который будет для тебя по-настоящему дорог. Есть еще вода?

Рик достал из-под письменного стола еще одну бутылку и подал ее Джеймсу.

– Опять эти твои размышления...

– Ну, ты же меня хорошо знаешь, Рик, – Джеймс открутил крышку и начал пить.

– Но ты... – заговорил Рик, – да, Джеймс, теперь я тебя хорошо знаю. Вчера ты полдня просидел в колледже с умным видом, потом приперся к этому мистеру Мо. Там ты сделал еще более умное лицо, а в перерывах между посещениями клиентов ты наклонялся над какой-нибудь очередной умной книжкой. И все время ты тих и спокоен, как таракан, пока на тебя не наступят, и ты не издашь хруст.

– Не дури, Джеймс. Ты видел девчонок?

– Девчонок? Да каждой из них за тридцать лет.

– Ну и хорошо – опытные и все такое. Джеймс, да ты благодарить должен, не знаю кого, правда, но благодарить за то, что у тебя есть я! Девчонки, куча алкоголя – и все за мой счет. Это еще и в придачу к тому, что у нас нет проблем с оплатой квартиры за этот и следующий месяц. Ты, я, мы оба вкалываем целыми днями, и что, я не могу насладиться компанией этих женщин?

Джеймс молчал. Он хотел подобрать слова для возражений, но так и ничего не сказал.

– Давай, Джеймс, я угощаю...

– Рик, вообще-то у меня есть девушка, в отличие от тебя... Ты об этом не подумал?

– А... Верна? Ты про Верну? Извини, Джеймс, но я никак не могу понять – встречаетесь вы или нет. Ты целыми вечерами можешь просидеть дома. Друг к другу вы не ходите, куда-то в другие места – тоже... Я не помню, была ли она хоть раз здесь?

– Я ничего не буду тебе объяснять, Рик. Это наше дело...

Джеймс допивал вторую бутылку дешевого пива. Приятное чувство легкого опьянения немного затмило ощущение реальности. Он сидел на диване в комнате, которую занимал Рик, с широко расставленными ногами, а прекрасная шатенка отсасывала ему. Ее звали Наоми. Джеймс знал, что Рик выложил немалую сумму для того, чтобы в этот день их посетили сразу три женщины. Большая часть денег ушла на проститутток, так как каждая из них была хоть и не из категории премиум-класса, но и не из самых дешевых. Так получилось, что каждая проститутка была разной национальности: Наоми была американкой, Ким – корейкой, уже десять лет проживавшей в штатах и занимавшейся этим промыслом, а Маргрет, как оказалось, была родом из Норвегии. Девяти с лишним часов хватило, чтобы Джеймс и Рик узнали больше о жизни каждой из них.

– Давай, Наоми, – спокойным, но приказным тоном сказал Джеймс. Левой рукой он обхватил ее голову и начал придавливать ею сверху, показывая той свое желание ускориться. Наоми все поняла. Она увеличила темп, опуская, при этом, свою голову ниже. – Да-а-а, вот та-ак, – произнес он.

Получая наслаждение, он мог наблюдать и другую картину: у другой стены комнаты, прямо напротив него с Наоми, в сложной позе, называемой «поза 69» расположился Рик с Ким и Маргрет. Он лежал на спине. Ким находилась сверху, а Маргрет разместилась у его ног – обе по очереди ласкали член языком.

Так началась их долгая, совместная оргия.

– Папа, папа! – маленькая девочка, только что выбежавшая из дома, направилась на встречу к своему отцу, который вышел из припаркованного у дома автомобиля. – Папа вернулся!

– Э-э-й, привет, принцесса.

Мужчина поцеловал свою дочку. Девочка крепко обняла его.

– Что, успела соскучиться?

– Очень, очень сильно успела, – прокричал ребенок, смотря снизу вверх на улыбающегося отца.

– Пойдем, найдем маму.

– Она на кухне. Мы готовим ужин.

– И что мне готовит моя маленькая?

– Я уже не маленькая, пап. Сегодня я научилась делать салат!

– Правда?

– Да! Мама сказала, что у меня получилось очень вкусно!

– Конечно вкусно, а как же иначе?

– А еще мы были в магазине!

– Серьезно? Вы у меня молодцы.

Они зашли в дом. Девочка первой вбежала на кухню, а следом за ней зашел ее отец. Остальные члены семьи в спешке накрывали на стол.

– Всем привет.

– Привет, па, – быстро произнес сын, раскладывая вилки с ножами.

– Здравствуй, дорогой, – поздоровалась мама детей, уставшая от постоянной беготни по кухне. Она подошла к нему и поцеловала.

– А к чему такая спешка? – спросил он у своей супруги.

– Просто хотели все успеть к твоему возвращению.

– У меня для всех хорошая новость, – сказал мужчина так, чтобы все услышали.

– Какая? – спросил мальчик.

– Накрывайте быстрее. За столом скажу. А где Брэд?

– Он еще наверху, – ответила девочка, неся к столу большую тарелку с приготовленным ею салатом.

– Софи, только аккуратно! Чендлер, помоги ей, – обратилась мама к сыну. Чендлер подошел к младшей сестре и прихватил снизу тарелку.

– Я сама! – стала отказываться от помощи брата Софи.

– Дорогой, позови Брэда. Пускай спускается.

– Ладно, – сказал отец семейства и пошел к лестнице. Он решил не кричать на весь дом, в котором и так царил суета, чтобы позвать старшего сына. Он поднялся на второй этаж и постучал в закрытую дверь комнаты Брэда.

– Брэд, спускайся, все почти готово.

Брэд не откликнулся. Никаких обычных «иду, пап» или «сейчас».

– Брэ-э-д, – повторил отец и постучал еще раз.

За дверью тишина. Мужчина только слышал шум, издававшийся снизу, с кухни.

– Брэд...

– О-о-о, – выдыхал из себя Джеймс. Свои ноги он расставил еще шире, а за голову Наоми держался теперь двумя руками.

Стоя на ногах, руками к стене упиралась Маргет. Рик входил в нее сзади, держа ее за бедра, а Ким находилась сбоку и рукой массировала ему ягодицы. Иногда Рик поворачивал голову к Ким, и их языки сплетались вместе. Вот и сейчас, высвободив свой язык от нее, он повернул голову обратно и принялся сильнее двигать своими бедрами. Маргрет, в свою очередь, начала производить встречные движения. Они ускорились. От ударов тел в комнате стали раздаваться отчетливые звуки шлепков, словно кто-то хлопал в ладоши. Маргрет застонала. Ким поняла, что Рик закончит с ней, поэтому она подошла к Джеймсу. Она выпятила перед ним свою грудь, и Джеймс немного наклонился в ее сторону. Своим языком он начал водить вокруг ее соска, а затем буквально впился в грудь.

– Здравствуйте, могу ли я поговорить с мистером Норманом Булманом?

– Это я. Добрый день, – ответил Норман. Он узнал молодого человека по голосу, так как тот ему звонил уже не в первый раз. Этому звонку он был не рад, но понимал, что участия в диалогах, где Норману приходилось отвечать на неудобные вопросы, было не избежать. Он добавил, ощущая злость: – Вы что, каждый раз не узнаете меня по голосу?

– Я узнаю вас, мистер Булман, но кодекс чести специалистов нашей компании говорит...

– Мне плевать, что там говорит ваш кодекс. Я слушаю вас.

– Мистер Булман, перед тем, как начать разговор, в целях информационной безопасности я прошу вас подтвердить дату вашего рождения, – чуть растерянно сказал молодой человек из трубки. Он не ожидал, что Норман Булман его перебьет, когда тот будет рассказывать про свой кодекс.

– Вы прекрасно ее знаете, – без интереса проговорил Норман.

– Мистер Булман, в целях информационной безопасности, прежде чем начать разговор, я прошу вас подтвердить...

– Вы что, робот?

– Простите?

– Вы все прекрасно обо мне знаете. Задавайте свои вопросы.

– Мистер Булман, правила гласят...

– Мы с вами общаемся уже на протяжении двух месяцев, – снова перебил Норман, – и вы прекрасно знаете, что это я.

Молодой человек замолк.

– Послушайте, мистер Булман...

– Задавайте ваш вопрос, Джон!

Вновь молчание.

– Мистер Булман, я хорошо знаю ваше положение...

– Вопрос, Джон!

– Мистер Булман, я действую только ради сохранения конфиденциальности вашей информации и...

Молодой человек услышал гудки – Норман прервал связь.

Глава 5

– Мистер Бишоп, давайте вернемся к вашему основному методу, о котором мы успели поговорить до рекламы, – предложил Брэндон Фейн, потирая руки. – Скажите, как метод группового секса действует на практике?

– Очень просто, – начал уверенно Джеймс, – для многих людей групповой секс считается неприемлемым, и я прекрасно понимаю тех, кто реагирует на подобные виды сексуального контакта слишком критически. При этом, я хочу, чтобы все знали – я с большим уважением отношусь к тем или иным нравственным устоям, что укрепились в нашем обществе, но я также вас попрошу хотя бы ненадолго перестать мыслить негативно и взглянуть на данную ситуацию под другим углом.

– Каким же?

– Само по себе прохождение курса группового секса является конфликтным для моих клиентов. В чем заключается конфликт? Заключается он в том, что я специально ставлю человека в такое положение, где он оказывается перед трудным выбором между прохождением полноценного курса и его отказом в любой момент. Другими словами, я создаю такие условия для человека, в которых ему трудно отказаться от полного прохождения курса, несмотря на то, что сама необходимость участия в групповом сексе тоже ставит его в крайне неудобное положение.

– Получается, что у человека не остается выбора? Если он решился пройти ваш курс, то он его пройдет, во что бы то ни стало.

– Выбор присутствует всегда. Выход есть из любой ситуации. К тому же, человек прекрасно знает, на что он идет, поэтому морально он готов.

– Но как так выходит, что клиенту сложно отказаться от дальнейшего прохождения курса?

– Признаюсь, для меня это самое трудное, потому что в каждом конкретном случае с каждой семейной парой необходимо учесть различные факторы, а прежде, чем их учесть, их еще необходимо и выявить.

– И как вы их выявляете?

– С помощью простого общения с клиентом.

– Сколько же стоят ваши услуги, мистер Бишоп?

– Вы заинтересовались? – вдруг спросил Джеймс у Брэндона и засмеялся, а вместе с ним засмеялся и весь зал, кроме нескольких экспертов, которые так и сидели с сердитыми лицами. Брэндон Фейн тоже ответил смехом. Он был уверен, что Джеймс сделал это умышленно, вовремя среагировав.

– Ничуть, мистер Бишоп, но я думаю, многим интересно узнать, сколько вы стоите, – Фейн попытался отомстить и, частично, ему это удалось – в зале опять раздался смех, но не такой, как в случае с подколкой Брэндона.

– Опять же, цены на мои услуги могут различаться, а для некоторых я и вовсе могу никаких цен не устанавливать.

– Вы это серьезно? – недоумевающе спросил Брэндон.

– Я никогда не шучу о таких вещах, Брэндон. Речь идет о людях и об их душевном здоровье, а не о деньгах.

Циферблат настольных электронных часов показывал четвертый час ночи. Час назад Рик сменил уже третий презерватив, а сорок минут назад он его стянул и бросил прямо на пол.

Решив, что они с Джеймсом натрахаились вдоволь, три девушки легкого поведения покинули их съемную квартиру. Теперь они просто сидели в разных частях комнаты и пили алкоголь, что еще остался у них в достатке: Джеймс сел прямо на пол, прислонившись к стене и вытянув ноги, а Рик курил, сидя в кресле, подвинув его ближе к открытому окну. Он поставил кресло боком, чтобы видеть Джеймса и вести с ним диалог.

– Джеймс?..

– Чего?

– Как считаешь, можно ли заставить человека сделать что-то, чего ему не хочется, или хочется, но обстановка ему этого не позволяет, при этом, не прибегая к насилию?

– Человека можно заставить сделать все, что угодно, не прибегая к насилию вообще.

– Я имею в виду не только физическое насилие, но и психологическое.

– Ни к физическому, ни к психологическому насилию.

– А как это?

– Да очень просто, – сказал Джеймс, сделав последний глоток из почти пустой бутылки.

Он открыл следующую и добавил: – И одновременно сложно...

– Как групповой секс может излечивать душевные раны, мистер Бишоп? Вы понимаете, что все, о чем вы тут говорите – полная ересь?

Джеймс проигнорировал второй вопрос, заданный экспертом. Им был Эйден Бирн, один из самых известных авторов одного глянцевого журнала, в котором он писал статьи о сексе и о жизни знаменитых людей. Все это завершалось на последних страницах одними и теми же пошлыми анекдотами, но переписанными каждый раз по-новому, и еще гороскопом.

– Вступить в конфликт с самим собой и перебороть его – это самое сложное для любого человек, – начал Джеймс, – и тот факт, что человеку удалось пройти через это, его излечивает. Точнее, тут речь идет не об излечивании, а о раскрепощении внутреннего Я, об освобождении своих эмоций, долгое время копившихся в нем. Самое интересное заключается в том, что это раскрепощение действует как вирус – оно может распространиться на все сферы деятельности этого человека. Я приведу вам пример: один из моих бывших клиентов, который проходил данный курс, имел проблемы, связанные не только с его сексуальной жизнью. Проблемы могли касаться чего угодно – работы, налаживания деловых контактов, общения с близкими людьми, а не только с супругой, скажем. После завершения курса он решил все проблемы, которые у него были. Все! Если раньше ему казалось, что он оказался в тупике перед решением той или иной задачи, то теперь это было для него вовсе не так – он это сам понимал. Он начинал искать выходы, и он их находил, потому что они есть всегда! Проблема в том, что он их не видел. Это действие носит универсальный эффект – оно переходит на все, что только возможно.

– Я думаю, многие просто не понимают, что вы говорите, – заключил Эйден Бирн.

– Вам важно понять одну деталь – человек после прохождения курса решает свои проблемы не самим фактом своего участия в групповом сексе как таковом – это само по себе ничего не значит. Он решает их тем, что он когда-то переборол себя и сделал то, что от него требовалось, либо он нашел выход из сложившейся ситуации и поступил так, как лучше всего для него самого.

– Ну вы и закурили, мистер Бишоп, должен я вам сказать, – прокомментировал Брэндон Фейн и расплылся в улыбке.

– Количество, Рик, количество! Ты можешь прославиться, можешь заявить о себе, можешь разбогатеть, в конце концов, за счет количества.

– Коли... – Рик икнул. – Количества чего? Продуктов, что ты выпускаешь?

– Нет! Количество продуктов определяется количеством заинтересованных в твоём продукте. Люди, Рик! Люди – главный источник твоего благополучия!

– Слушай, Джеймс, после продолжительной оргии с незначительными перерывами, что мы тут устроили с теми тремя, меня совершенно выбило из сил. Для меня все эти твои умные мысли сейчас трудны для восприятия...

– Рик, твою мать, я тебе рассказываю о таких простых вещах! Главное – умело забросить удочку, а там рыба сама попадетса на крючок. Ты, конечно, всю ее не выловишь, но за счет количества этой рыбы... Ты слышишь меня? За счет количества этой рыбы на твоём крючке будет достаточно.

– Но, если ты забросишь удочку, еще не факт, что хоть одна рыба да попадетса. Разве нет?

– Все возможно, но что тебе мешает забросить ее еще раз? Рано или поздно, количество сыграет на тебя.

– Средства?

– Средства... – Джеймс усмехнулся и отпил еще с бутылки. – Средства ты всегда найдешь, если захочешь. В любой ситуации есть выход, Рик.

Джеймс резко поднялся с пола, чтобы пойти и облегчиться, но его ноги подкосились, и он со всей силы грохнулся на пол. Рик закатил глаза.

– Вот и на тебе отразилось количество, – сказал он.

– Мистер Бишоп, признаюсь – то, что вы сейчас нам рассказали, является весьма интересным, – заключил один их экспертов, Джон Скиннер, который до этого внимательно слушал, соединив два указательных пальца и приложив их к губам. В ту же секунду вокруг него начал зарождаться недовольный гул, сначала слабый, но медленно нарастающий. Мистер Скиннер посмотрел в сторону и добавил: – По моему мнению, господа, по моему мнению. Однако! Однако... Вы, мистер Бишоп, не оригинальны, и ваша методика тоже. Хотя бы за это вы достойны критики.

– Да, вы правы, – согласился Джеймс, – я действительно не оригинален, но от этого результаты моей работы не стали плохими.

– Так вот, я бы тоже хотел кое-что прояснить, – продолжил Джон Скиннер. Он вновь повернул голову в сторону, обращаясь ко всем одновременно. – Тот метод, о котором говорит мистер Бишоп здесь, не что иное, как метод выхода человека из зоны комфорта. Многие психологи давно это практикуют, рекомендуя своим клиентам делать что-то, чего они никогда не делали. Я слышал об одном случае в Германии. Это происходило на железнодорожном вокзале. Несколько добровольцев просили за определенное время обнять как можно больше незнакомых людей. Вначале им могло показаться, что это не так уж и сложно, но, когда время начинало идти и приближаться к концу, это оказалось не совсем простой задачей. Мистер Бишоп, – вновь обратился Джон Скиннер к психологу, – но почему? Почему именно групповой секс? Почему вы пошли таким сложным путем?

Все ждали ответа. Прямой эфир длился уже почти час, и ему был отведен именно один час времени, поэтому передача близилась к своему окончанию. Все это время Джеймс вынужден был тратить свои силы либо на опровержение пустых, по его мнению, догадок экспертов,

либо на разъяснения своих подлинных мотивов. Он слегка опустил голову и задумался. В первый раз Джеймс не ответил сразу. Брэндон Фейн заметил, как он, склонив голову, шевелил губами, словно сначала решил проговорить ответ самому себе.

«Выдохся...» – заключил старый ведущий.

Наконец, приглашенный психолог поднял голову, сделал тихий выдох и, взглянув на Джона Скиннера, ответил:

– Это самый легкий вариант.

– Какой? Групповой секс? – в недоумении уточнил Джон Скиннер.

– Да.

– Вы можете пояснить?

– На мой взгляд, вступить в групповой секс гораздо легче, чем подойти к незнакомцу и обнять его.

– А подробнее?

В наушник, вставленный в ухо Брэндону Фейну, сообщили, что до конца эфира осталась одна минута. Ведущий, отчасти расстроенный тем, что к моменту, когда Джеймсу Бишопу стало тяжело отвечать на вопросы, он вынужден был вмешаться. Их программу на телевизионном канале должен был сменить вечерний выпуск новостей.

– Друзья, наше время подходит к концу, и мы должны...

– Подождите, Брэндон, – перебил старика Джон Скиннер. – Я хочу, чтобы мистер Бишоп пояснил.

Испытывая пронзительный взгляд Джона Скиннера, Джеймс молчал. Его голова стала тяжелой, как камень. Больше он не хотел говорить ни слова.

Немного растерянный Брэндон Фейн снял с лица очки и, достав из кармана брюк платок, начал протирать им круглые линзы.

– Мистер Бишоп, время идет. Ответьте на последний вопрос! – Джон Скиннер добивался своего. Напряженность, царившая в студии, накалилась до предела, словно объятая пламенем сталь.

Джеймс ничего не сказал. Брэндон Фейн завершил эфир. Сейчас на многомиллионных экранах телевизоров шла привычная всем заставка новостей.

Когда Бриджет вела Джеймса под руку, при выходе из студии, среди толпы, их нагнал Джон Скиннер. Он взял Джеймса за плечо и сунул в карман его пиджака визитку.

– Свяжитесь со мной, – сказал он.

Джеймс на это никак не отреагировал, кроме как тем, что просто улыбнулся. Они с Бриджет покидали здание.

– Брэд, ты откроешь дверь или нет?!

Мужчина сжал руку в кулак и продолжал стучать по двери, ведущей в комнату его старшего сына. В голове начали вырисовываться местами глупые, местами страшные образы того, что их всех могло ожидать.

– БРЭД!

Такого волнения он еще не испытывал. Внутри что-то защемило.

«Что происходит?»

Снизу раздался встревоженный голос матери. Она услышала, как ее муж крикнул имя их старшего сына и, бросив все дела на кухне, быстрыми шагами подошла к лестнице.

– Что случилось? – крикнула она, посмотрев вверх и взявшись за перила лестницы.

– Брэд, открой дверь!

Мать вскочила на первую ступеньку и через мгновение оказалась на втором этаже, рядом с мужем, который продолжал стучать в дверь.

– Что случилось? – повторила она.

– Ты мне скажи! – проворчал отец семейства. – Он давно в комнате?

– Не знаю, наверное, пару часов, как он поднялся к себе.

– И что, на кухне он ни разу не появлялся?

– Нет.

– Брэд! – мужчина продолжил колотить по двери.

К ним сзади с испуганными лицами подошли Софи и Чендлер. Они ждали, когда, наконец, с той стороны двери раздастся щелчок замка, и они увидят Брэда целым и невредимым.

– Я выламываю дверь, – предупредил отец.

Все отошли назад. Мать встала позади своих детей и обхватила их руками.

Широким плечом мужчина нанес удар по дереву, покрашенному в белый цвет. Одного раза хватило, чтобы дверь поддалась. Замок вылетел. В комнате оказалось темно. Шторы были задернуты. В углу комнаты ярко мелькал экран компьютерного монитора, а с ручек кресла, которое стояло рядом с компьютерным столом, свисали две руки.

– Господи! – вырвалось у отца. – Брэд!

Для одного человека комната была весьма просторной. Мужчина рванул к сыну, а мать, поняв, что произошло что-то страшное, ощущая сильное сердцебиение, тем не менее, смогла сохранить контроль над собой. Она сказала детям, чтобы те оставались в коридоре, а затем вбежала в темную комнату вслед за супругом.

– Что с ним?! – спросила она.

– Звони в скорую!

Из открытого рта Брэда струилась красная пена. Его широко раскрытые глаза смотрели в пустоту, а все тело изредка начинало биться короткими промежутками в конвульсиях.

– Он захлебнется!

Подняв Брэда с кресла, отец положил его на пол на правый бок. Супруга схватила трубку и начала набирать скорую.

– Почему пена красная? – спросила она с волнением.

– Он прикусил язык.

Отец вытер рот Брэду, пока его тело в очередной раз поражал спазм.

– Ничего страшного. Сейчас все пройдет, Брэд, – сказал отец своему сыну спокойным голосом. Он поддерживал его голову снизу, чтобы она не билась об пол. – Кейт, успокойся и не нервничай, – обратился он к своей жене. – Это эпилептический припадок. Лучше выйди в коридор и там вызови скорую помощь. Я побуду с ним. Скажи Софи и Чендлеру, что все в порядке.

Дрожащей головой Кейт кивнула Рику. Держа указательный палец на кнопке телефона, она вышла из комнаты в коридор, откуда сразу же набрала номер скорой помощи.

Норман прервал разговор с Джоном. Тот являлся молодым сотрудником небольшой кредитной организации, в которой когда-то Норман стал клиентом, взяв у них кредит наличными. Возможно, ему никогда не пришлось бы знакомиться и разговаривать с этим человеком, если бы он расплачивался вовремя, периодически высылая на свой счет определенную сумму, которая была изначально оговорена. В тех случаях, когда Норман, пусть и с задержками, но пополнял свой счет, эти акулы могли списать себе сумму, лишняя раз не беспокоя своего нерасторопного клиента. Теперь же, последние три месяца на мониторе компьютера у Джона высвечивалась информации о счете Нормана Булмана с одной и той же цифрой – ноль.

Уже три месяца как Норман Булман не проявлял каких-либо эмоций, свойственных людям, чью жизнь можно было охарактеризовать как «более-менее». Выражением своего лица Норман напоминал окружающим его людям памятник какого-нибудь философа с задумчивым видом, и этот вид был увековечен в куске гранита. Редко Норман демонстрировал даже самую легкую улыбку, и, находясь наедине с самим собой, мог что-то шептать вслух. Каждый день, по вечерам, он разговаривал сам с собой, когда его никто не видел. Так он мог немного успокоиться, пусть и ненадолго. Имея те или иные проблемы, человеку необходимо о них рассказать, одновременно анализируя для самого себя ситуацию, пока собеседник его слушает. У Нормана не было такого человека. Или он мог появиться, если бы Норман сам того захотел. Пока он предпочитал оставаться один.

Безусловно, Нормана Булмана нельзя было назвать человеком, постепенно теряющим рассудок. Он принадлежал к той категории людей, которые, имея самые большие жизненные амбиции и ценности, в конечном счете терялись среди высоких стволов деревьев под названием «ожидания» от жизни.

Сейчас ему было тридцать два года, его супруге Сандре – тридцать лет. Живя в собственном доме, точнее, не совсем в собственном – пока что дом принадлежал банку, они вели простой быт молодой семьи, пытаясь найти и закрепить семейное счастье и благополучие, точно так же, как крепко стояли сваи их дома. Одну из небольших комнат на втором этаже, рядом с их спальней, занимала детская, стены которой были окрашены в розовый цвет – цвет жизни и всего живого. Так же этот цвет говорил о том, что здесь жила девочка, пятилетняя малютка Синди. Оба родителя были очень рады появлению маленькой Синди на свет, оба одинаково участвовали в воспитании девочки, пока Норману не сообщили на работе, что его увольняют. Именно это неблагоприятное событие являлось той точкой отчета, после которой в его жизни и жизни членов его семьи наступило помутнение.

– Попробуй сегодня вот это, Норман, – Стив указывал на тесно уложенные на подносе в два ряда куски мяса. – Отличная вещь! Эй, вы, можно вас? – Стив обратился к девушке, сотруднице кафе, в которое приходили на обед большинство сотрудников бизнес-центра.

– Да? – откликнулась девушка с доверчивой улыбкой и подошла ближе к Стиву и Норману.

– Напомните мне, что это такое? – высказал просьбу Стив в немного приказном тоне.

– Это свинина в молоке, мистер.

– Вот! – Стив поднял указательный палец и посмотрел на Нормана. – Свинина в молоке...

Как тебе название?

– Звучит обнадеживающе, – ответил Норман.

– Вот именно. Пожалуйста, нам две порции, мне и моему другу.

– Что будете на гарнир, господа?

– Картофель. Тебе тоже, Норман?

– Да, и мне тоже картофель, если можно, – мягко сказал Норман девушке и улыбнулся.

– Если можно... – передразнил Стив Нормана, растянув каждое слово. Девушка, накладывающая картофель в первую тарелку, ничего не сказала. Она по-прежнему улыбалась. – Ей богу, Норман, иногда ты меня удивляешь.

– Чем же?

– Твоей время от времени чрезмерной скромностью.

Стив по-дружески ударил Нормана по плечу, а потом взял из протянутых рук девушки тарелку и поставил себе на поднос.

– Благодарю вас, – сказал он ей.

– Это не скромность. Это – воспитанность, – запротестовал Норман.

– Ладно, каждый из нас по-своему скромен. Смотри, вон свободная касса. Давай за мной.

Девушка протянула Норману тарелку, наполненную картофелем с румяным куском свинины в молоке.

– Спасибо большое, – сказал он.

– Приятного аппетита.

– Норман, давай сюда, – крикнул ему Стив, стоя у кассы и вытаскивая кошелек из внутреннего кармана пиджака.

После оплаты обеда Норман со Стивом заняли свободные места за длинным столом, за которым вместе сидели шесть сотрудников из другой компании. Пока человек держал в руках поднос, заставленный всевозможными тарелками, следя, чтобы из стакана не вылился напиток, и пробирался по узким коридорчикам между стульями, выискивая свободное место, он мог услышать абсолютно разные темы разговоров людей, которые уже с жадностью протыкали вилками приготовленную для них пищу. Вообще, в местах, подобных этим, в крупных деловых центрах, в бизнес-центрах властвовала особая атмосфера, включавшая в себя одновременно отдых и работу. Причем, отдыху как таковому уделялась малая часть того свободного времени, которым располагал сотрудник. Львиную долю обеденного перерыва продолжали занимать разговоры о работе, к которой каждому предстояло вернуться, недовольные мнения руководства о предоставленных отчетах, разочарования от опустившейся планки продаж на этой неделе или сказанные полупешотом восторженные мысли об их возросшем уровне. Норман, казалось, только один и осознавал эту атмосферу, в которой сам и крутился, чувствовал все «от» и «до». Вот и сейчас, в очередной раз, садясь за обеденный стол со Стивом, начальником отдела логистики, в котором работал Норман Булман, им обоим предстоял длинный разговор о том, что происходило, происходит или будет происходить в их компании, и, в частности, в их отделе.

– Так вот, Норман, я объяснил этому идиоту, как нужно вести переписку с таможенной службой, – Стив взял в правую руку нож и отрезал небольшой кусочек мяса, которым так восхищался. Сунув его в рот и начав пережевывать, он добавил: – И еще как все объяснил! Я все рассказал: с кем можно, с кем нельзя, как можно, а как нежелательно. Только вот все это оказалось бесполезно.

– Не понимаю, почему у него изначально возникли проблемы с таможней? – Норман сделал глоток напитка. – Ведь с ней у нас всегда все проходит по стандартной процедуре.

– Если говорить о таможенных декларациях, то тут все стандартно, как нигде больше. Проблема в другом. Когда компания расширяет территорию своей деятельности, появляются новые страны, где мы планируем реализовывать свою продукцию. Но вместе с новой страной появляется новая система таможни, национальная система, мать их за ногу. А там, как обычно, каждый мнит себя большим боссом. С такими людьми нужно уметь разговаривать, Норман. Просто нужно уметь. Если мы хотим, чтобы местные мужики натягивали себя именно наши презервативы, мы, как заинтересованные в этом, должны уметь подлизывать чей-нибудь зад, да так, чтобы это подлизывание несло в себе их национальный оттенок. Понимаешь? Им нужно почувствовать, что их не просто обласкали, а обласкали так, как это нужно для них.

– Ты слишком категоричен, Стив, – высказал мнение Норман.

– Нет, друг мой, вовсе нет. Это опыт. Вот, скажи, неужели тебе нравится крутиться в этом?

– Ты о чем?

– Тебе нравится эта работа?

Если бы Стив являлся для Нормана простым начальником отдела логистики, а не только другом, с которым был знаком уже как пять лет, то для него подобный вопрос прозвучал бы как тревожный звоночек. При таких же обстоятельствах Норман понимал, что их разговор нес смешанный характер – рабочий и дружественный одновременно.

– Мне нравятся деньги, которые мне платят за эту работу, – честно признался Норман, усмехнувшись.

– Хм... и совсем без фальши, – сказал Стив. – Как тебе мясо?

– Вкусно.

– Еще бы. Скорее всего, его готовят такие же нежные руки, как у той девицы, которая стоит на раздаче. Иначе мясо бы невозможно было положить на язык. Кстати, как поживают Сандра с дочкой?

– Все отлично, спасибо.

– А когда у дочери день рождения?

– Чуть больше, чем через три месяца.

– Быстро время идет. Сколько ей исполнится? Пять лет?

– Да.

– Первый юбилей... Готовитесь к празднованию?

– Да. Уже закупили целую упаковку воздушных шаров. На следующей неделе начнем подбирать агентство по организации праздников. Кстати, может у тебя есть кто на примете?

– Для организации праздника? Вряд ли. Неужели нельзя обойтись без этих агентств?

– Я думал об этом, но когда увидел, что у Сандры самые серьезные намерения, то решил не озвучивать свое мнение. Да и к тому же, это ведь все ради дочки. Кстати, нам еще нужен клоун.

– Клоуна вам там предоставят. Другое дело, что все это затратно...

– Это ведь ради дочери, – повторил Норман.

– Да, да, я понимаю, – согласился Стив. Он смотрел в свою тарелку, ковыряя в ней вилкой, и ничего больше не говорил.

Норман тоже сосредоточился на свинине и картошке. Из-за разговора он не съел еще и половины. С минуту они оба сидели молча, пока Стив не решил прервать молчание первым.

– Просто...

– В чем дело, Стив?

– Сейчас дела наши идут так, что...

Стив увидел, как Нормана сзади толкнул мужчина, который обедал за соседним столом. Тот отодвинул свой стул, чтобы встать, но, так как места было не так много, а сам мужчина был достаточно крупным в своих габаритах, то не потревожить того, кто сидел позади него, он не мог.

– Прошу прощения, – чуть наклонив голову, извинился мужчина перед Норманом.

– Ничего страшного, – ответил тому Норман. Он повернулся опять к Стиву и спросил:

– Так в чем дело, Стив?

У Стива рот был полуоткрыт, а его взгляд то опускался на тарелку, то поднимался на друга и коллегу в одном лице. Он пытался подобрать слова.

– Стив, скажи уже, в чем дело? Может, ты беспокоишься за то, что у меня уйдет слишком много денег...

– Тебя увольняют, Норман, – выдавил из себя Стив, пока Норман говорил. Тот не остановил высказывание своего предположения.

– ...на организацию праздника?

Норман услышал Стива, и ему показалось, что новость дошла до его ушей откуда-то издалека, точно так же, как перед выходом из сна, когда человек, еще не до конца проснувшись, слышит что-то, сказанное ему вслед. Если бы в этот момент они находились одни в какой-нибудь комнате, то можно было бы сказать о гробовой тишине, но та ситуация, при которой в этом кафе было слишкомлюдно, не позволяла этого.

– Стив... – проговорил Норман, сглотнув накопившийся сгусток слюны, – как это? Объясни...

Стив с опущенными глазами облизал свои губы. У него пересохло во рту. Он попил из своего стакана.

– Это не мое решение, Норман. Не мое. Но сообщить тебе об этом поручили мне.

– Конечно тебе, твою мать, ты же мой начальник! – Норман почувствовал злость. – Слышишь? Ты руководишь отделом логистики! Да что там, мы же друзья, черт возьми! Так неужели ты ничего не сделал? Неужели ты ничего не сказал в мою защиту?

Стив слушал вполне обоснованные претензии в свой адрес. Сейчас он испытывал эмоции, которые скребли его душу не меньше, чем душу Нормана, человека, с кем он дружил и работал бок о бок на протяжении пяти лет – столько же, сколько и должно скоро исполниться его дочке, Синди.

– Чего ты молчишь, Стив?

– Норман... Мне незачем было тебя защищать, потому что не было для этого повода. Решение о твоём увольнении было принято не за что-то, а для чего-то... Я думаю, что...

– Мне плевать, что ты думаешь! – резко перебил Норман Стива.

Сидевшие вокруг другие сотрудники начали оглядываться в их сторону, так как Норман начал говорить громче принятого, а в его словах все, кто его услышал, почувствовали агрессию, включая и самого Стива.

– Норман, подожди... – Стив оглянулся по сторонам. Он проклинал себя за то, что решил сообщить эту, настолько плохую для Нормана, новость именно здесь, во время обеда.

– Точнее, извини! На самом деле, ты ничего не думаешь! Как ты можешь думать?! Откуда у тебя может взяться свое мнение?! Ты тряпка, Стив!

– Норман, позволь мне...

– Ты два года назад прижал свою задницу к этому мягкому креслу! Слышишь? Ты уже два года руководишь отделом! И за эти два года ты ни черта не приобрел авторитета! Ты не можешь отстаивать своего мнения перед этими ублюдками!

– Потому что я согласен с ними, Норман!

– Господа, простите, у вас все хорошо? – обратился к ним один из мужчин, который сидел в другой компании ближе всех к ним обоим, за одним столом.

– Да, все хорошо, простите нас, – дрожащим голосом сказал Стив. – Норман, послушай, давай сейчас тихо встанем и выйдем отсюда. На эмоциях мы ничего не проясним...

– Тут нечего прояснять, Стив. Я сейчас сам встану и уйду. А ты сможешь доесть свое мясо в молоке. Кстати, передай своему начальству, что мне мясо понравилось. Действительно вкусно. Ведь наверняка это они подсказали тебе подсунуть мне эту дрянь, прежде чем отправить тебя на встречу со мной. – Норман взял двумя руками за края подноса и запрокинул его вверх вместе с тарелками, отчего поднос чуть не перевернулся. Тем не менее, стакан с напитком упал, и все вылилось на Стива, запачкав его рубашку и брюки. Норман сразу же встал и покинул кафе. Так закончился их последний разговор. Дружбе пришел конец.

Глава 6

– Я называю это увольнением по-американски. В нашем обществе слишком сильно ценится личность, мистер Булман, но и не менее этого ценятся интересы каждой компании. Главное, что компания ведет свою деятельность, не нарушая закона и обычаев. Еще важнее – она должна вносить свой вклад в процветание экономики страны. В итоге, что мы получаем? – Джеймс Бишоп сделал паузу. – Конфликт, мистер Булман. С одной стороны, у нас стоит личность со своими интересами, а с другой – компания.

– Вы хотите сказать, мистер Бишоп...

– Джеймс.

– Вы хотите сказать, Джеймс, что мое увольнение связано с интересами компании?

– Вы, скажем так, не отвечаете, вернее, перестали отвечать их ожиданиям от того, какой они видят свою компанию в будущем. Так что сейчас ваше место занимает человек, который более всего подходит для этого. Но и он не защищен от того, что произошло с вами. Если, в очередной раз, политика изменится, то кто знает, возможно, и он перестанет подходить.

– Я понимаю...

– Это хорошо, что вы понимаете, мистер Булман.

– Можно просто Норман.

– Норман. К сожалению, подобная практика прекращения трудовых отношений очень распространена, а значит, такие случаи не являются чем-то диким и вопиющим. Вы раньше сталкивались с увольнением?

– Нет. Никогда.

– Сколько вы проработали там?

– Шесть лет.

– И что вы сейчас ощущаете?

Норману казалось, что он еще не готов ответить на подобный вопрос. Он прекрасно знал ответ, но еще сомневался в самом Джеймсе Бишопе, как человеке, которому он был готов рассказать о своих чувствах, личных и даже стыдливых.

– Опустошенность, мистер Бишоп.

Джеймс не стал второй раз подправлять Нормана, чтобы тот называл его по имени.

– Хорошо, – сказал психолог. – Этого достаточно. Расскажите о своей семье.

– О моей семье... – Норман задумался. Для него переход от личных ощущений после увольнения к рассказу о семье был слишком резким. Он готовился к тому, что Джеймс попросит его рассказать подробнее о своих переживаниях. – Ну, у меня супруга, Сандра, и у нас есть маленькая дочь, Синди.

– Сколько лет вашей дочери? – спросил Джеймс, улыбнувшись.

– Недавно исполнилось пять лет.

– Вы живете в доме или в квартире?

– В доме...

– И наверняка выделили для дочери самую большую комнату?

– О-о, еще бы, – усмехнулся Норман. – Когда мы с женой смотрели этот дом и зашли в ту комнату, то каждый из нас подумал об одном и том же – здесь будет стоять детская кроватка.

– Большое устроили новоселье?

– Было достаточно много народу. Родственники, друзья... Как обычно, знаете ли, – Норман откинулся на стуле и посмотрел в окно. – Но больше всех родственников было у Сандры. А еще я тогда узнал, как много у нее подруг.

– А ваши... – на мгновение Джеймс запнулся. Он хотел спросить про друзей самого Нормана, но подумал, что сейчас это не самая хорошая идея, – ваши родители там были?

– Был отец. Он специально приехал из Чикаго.

– Вы родом оттуда?

– Да.

– Как вы познакомились с вашей супругой?

– Это было в аэропорту.

– Серьезно?

– Да. Не совсем обычное место для знакомства, я думаю. Я возвращался из Остина в Чикаго после фестиваля. В зоне ожидания вылета она села рядом со мной, а потом мы разговорились. Как оказалось, она тоже была на этом фестивале и теперь спешила обратно к родителям.

– Что за фестиваль?

– Музыкальный. В основном там играли джаз, блюз и рок.

– А почему именно Остин? Это практически другая часть страны.

– Мне порекомендовали. Да и в то время просто хотелось вырваться из дома подальше.

– Понимаю. Родительский надзор.

– Не то слово какой... Но больше всего досталось Сандре. У вас с родителями было так же, мистер Бишоп?

Джеймс, как и всегда, внимательно слушал, что ему отвечал клиент, но на вопрос, заданный ему Норманом о его родителях, он сразу не ответил. Джеймс переменился в лице, и на Нормана он теперь смотрел так, как будто не понял вопроса.

– Нет. Я с этим не сталкивался. Так значит, вы любите музыку? – Джеймс сразу задал другое направление в разговоре.

– Люблю, но когда я был моложе, любил ее гораздо больше. Могу я задать вам один вопрос, мистер Бишоп?

– Конечно.

– К чему все это?

– Что вы имеете в виду?

– К чему все эти вопросы? Нет, я заранее прошу у вас прощения, мистер Бишоп, но вы не хуже меня знаете, для чего я к вам пришел. Так зачем вам знать о моих родителях, или о причинах моего посещения именно Остина, или о том фестивале, который я там когда-то посетил?

– Вы правы, Норман. Я прекрасно знаю о целях вашего визита ко мне. Главное – вы тоже это знаете... – последнее утверждение Джеймс сказал с нотой сомнения, и Норман это почувствовал.

– Да, я знаю... – сказал он и нервно сглотнул. Как бы сильно Норман не старался в этот момент скрыть нервозность, Джеймс прекрасно все понял, включая и то, что Норман прилагал неимоверные усилия, чтобы подавить свое волнение. Невзначай он посмотрел на его горло, по которому кадык, поднявшись и немного задержавшись, медленно опустился обратно.

– Вы уверены, Норман? Вы точно знаете, чего вы хотите?

– Я хочу перестать бояться...

– Чего именно?

– Всего, мистер Бишоп. Последние четыре месяца для меня прошли очень тяжело. Признаться, мне еще никогда не было так тяжело, как в последнее время. С тех пор, как я узнал о своем увольнении, у меня все начало валиться из рук. Я...

– Вы не пробовали найти другую работу? – перебил Джеймс.

– Конечно пробовал.

– И я так понимаю, вы и здесь столкнулись с проблемами?

– Не то чтобы столкнулся с проблемами, просто... Почему-то после пережитого мной потрясения, а для меня увольнение с работы было большим потрясением, я стал думать как-то по-иному... Вы понимаете?

– Нет, прошу вас объяснить.

– Я всегда считал, мистер Бишоп, что, имея надежную работу и надежный заработок, я защищен. Я и моя семья. Но иллюзия состояла в том, что я видел свою работу как раз такой, самой надежной, но это было не так. У меня не было никакой защиты. Я постоянно действовал, не видя, что на самом деле я кручусь во всем этом, как одинокий, беспомощный человек, все время находившийся в гнилой лодке, без крыши над головой, среди бескрайнего океана, в котором в любую секунду мог накатить шторм.

Нормана словно подменили. Если раньше он старался отвечать на вопросы Джеймса кратко, то теперь он не ограничивал себя в одних лишь словах, предназначенных только для того, чтобы передать смысл собеседнику. Теперь он заговорил, как настоящий мыслитель, имевший за плечами определенный опыт и впервые ощутивший горечь от того, что иногда преподносит жизнь. Норман продолжал:

– И вот я здесь, в вашем офисе, сижу перед вами. Признаюсь, я никогда раньше не посещал психолога, мистер Бишоп. Вы первый.

– Как вы думаете, Норман, мог бы я стать и последним?

– Я бы хотел на это надеяться...

– А от чего это зависит, по-вашему?

– От того, насколько правильно вы выстроите работу со мной и от того, насколько правильно и верно я буду выполнять ваши рекомендации.

– Я не соглашусь с вами, Норман. Все зависит от вас и только от вас. Вы уже стали осознавать, в каком мире нам приходится жить. И это еще до того, как вы посетили меня. Это хорошо. Но теперь, за вами стоит выбор – пускать все на самотек или стараться занять место у руля. Выбор есть всегда, Норман. Он есть всегда. Так что выберете вы?

– Я выбираю последнее, мистер Бишоп.

– В таком случае, я вам больше не нужен.

Джеймс поднялся со своего мягкого кресла, ожидая, что поднимется и Норман. Он собирался пожать ему руку, однако Норман продолжал сидеть, еще не поняв, что их разговор закончен.

– Но, подождите... Мистер Бишоп, я...

– Что?

– Я не знаю, как мне действовать. Ваш метод... – Норман остановился, надеясь, что психолог поймет все сам.

– Зачем он вам? – напрямую спросил Джеймс. – Поймите одно, Норман – вы выбрали место у руля, а значит, вы сами должны определять, что вам делать и как. Но вы вновь пытаетесь переложить задачу по решению ваших проблем на кого-то другого. Именно сейчас – на меня.

– Вы хотите сказать, что довериться вам, значит пустить вещи на самотек?

– Именно. Если вы остановились на втором варианте, то действуйте сами. Я уверен, вы прекрасно с этим справитесь, потом еще и я попрошу у вас совета. Но если вы начнете думать о первом варианте, то вы попросту можете потерять время, выбрав его. Мой вам совет – поговорите с вашей супругой. Перестаньте от нее все скрывать. Она заслуживает того, чтобы вы говорили ей все напрямую. Если вы оба поймете, что вам действительно требуется моя помощь, то вы можете прийти ко мне еще раз. Вдвоем.

Норман, так и не пошевелившись, смотрел снизу вверх на мистера Бишопа недоумевающим взглядом. Он, никогда не посещавший психологов, имел представления о том, как строится их работа, вернее, как она должна строиться. Поведение же мистера Бишопа полностью противоречило его представлениям.

– Мистер Бишоп, я не совсем понимаю вашу логику...

– Вы и не сможете ее понять, Норман. Не сможете. Вы даже не добились ответа на свой вопрос.

– Какой именно вопрос?

– Вы спросили меня о том, почему я задаю вам вопросы, которые, на ваш взгляд, не имеют никакого отношения к обсуждаемой проблеме.

– Так почему?

– Потому что ваши ответы помогли мне узнать о вас больше. Когда я спросил про ваших родителей, вы упомянули только отца, но не мать. Это может означать, что вы воспитывались только им. Я прав?

Джеймс вел разговор аккуратно, соблюдая спокойный тон. В его выражениях чувствовалось, что он только высказывает предположения, а не что-то похожее на факты, в которых он был полностью уверен. К тому же, Джеймс допускал, что он мог ошибаться в своих суждениях.

– Да, мистер Бишоп, вы правы. Меня вырастил отец. Но что с того?

– Я упомянул про родительский контроль после того, как вы сказали, что вам хотелось вырваться подальше от дома. Ведь на тот момент вам было около двадцати трех лет, согласитесь, в этом возрасте человек должен вести самостоятельную жизнь. Но ваш отец так увлекался вашим воспитанием, что, когда вы достигли этого возраста, он все равно продолжал следить за вами. Естественно, вас это осточертело, и поэтому вы уехали. А те родители, которые слишком заботятся о своих детях, не давая им возможности самим решать за себя, при каждом удобном случае не упустят возможности что-то проконтролировать. Он слишком много в вас вкладывал, Норман, слишком много вам давал, а уже потом он следил, чтобы вы делали все правильно, все так, как он от вас и ждал. Если бы он этого не делал, то ни о каких желаниях уехать из дома вы бы не заговорили.

Джеймс сел обратно в кресло и продолжил:

– Что касается вас, Норман, то вы привыкли, что вас контролируют. Вы ждете, что за вас решат ваши проблемы. На сознательном уровне вы взрослый, самостоятельный мужчина, имеющий работу, и вы с гордо поднятой головой идете вперед, приобретая дом в ипотеку для себя и для своей семьи. Но на уровне подсознания вы остались все тем же юношей, который устал от родительского контроля, но который полноправно продолжает ждать, что, в случае возникновения проблемы, ее решит за вас отец. За вас никто ничего не решит, Норман. Ни ваш отец, ни я, ни кто-либо другой. Все в ваших руках.

На следующий день после встречи с Норманом Булманом.

Джеймс лег на спину рядом с Верной. Только что они закончили заниматься любовью, и Верна со спины перевернулась на правый бок, обняв одной рукой Джеймса. Погрузившись в свои мысли, они недолго помолчали, пока первым не решил заговорить Джеймс.

– Знаешь, что больше всего привлекает в человеке?

– Что?

– Загадочность.

– Загадочность? Я думала, что загадочность только раздражает.

– Нет. Именно это. А еще нестандартность.

– Да уж, нестандартности тебе не занимать.

Верна медленно провела пальцами по губам Джеймса и сказала:

– Ты стал слишком много работать.

– Я всегда много работал, – Джеймс повернул голову к Верне и добавил: – Но завтра я весь день пробуду с тобой.

Верна, улыбнувшись, спросила:

– Несмотря ни на что?

– Несмотря ни на что.

Уличные дороги и тротуары заливал дождь, и из приоткрытого окна в комнату проникал свежий, прохладный ветер. Джеймс и Верна слушали, как крупные дождевые капли ударились о металлический карниз. Они оба чувствовали умиротворение и приятную усталость от проведенного за работой дня. Сейчас Джеймс находился в том состоянии, когда голова была наполнена безмятежным туманом, в котором растворялось сознание, пока не наступит сон.

Когда Джеймс заснул, Верна, ощутив уличную прохладу, встала и закрыла окно. Затем она подняла с пола теплый белый халат, который лежал рядом с кроватью, и накинула его на себя. Она нагнулась к Джеймсу, погладила его по голове и, оставив одного в спальне, вышла из комнаты. Заварив себе крепкого зеленого чая на кухне, она с горячей кружкой в руке отправилась в гостиную. Напротив большого плазменного телевизора посреди гостиной стоял широкий кожаный диван, а за ним был пристроен маленький письменный столик. Он был настолько небольшим, что на нем умещались только рабочий ноутбук и лампа салатового цвета. Верна села за столик, включила лампу и поставила кружку с чаем рядом с компьютером. Черный экран ноутбука сменился картинкой, на которой был изображен густой, хвойный лес. Верна открыла одну из папок, содержащую большое количество различных файлов и документов. Выбрав нужный ей, она еще раз легонько прикоснулась к ноутбуку, и перед ней открылась белая страница с текстом черного цвета, набранным ею еще сегодня утром, когда Джеймс отправился в свой офис. Сделав небольшой глоток ароматного чая, который придал ей кратковременное ощущение тепла внутри, она медленно выдохнула и прикоснулась пальцами к клавиатуре.

Верна особенно любила такие условия для своей работы, когда за окном шел дождь, и разгуливал ветер, несущий в себе летнюю прохладу в вечерние или ночные часы. Большой город, который, как любили говорить, никогда не спит, находился в состоянии полудремы, и городские шумы приглушались или исчезали вовсе, не на долгое время, с той только целью, чтобы на следующее утро вновь возникнуть, набирая и набирая обороты с новыми силами. Она старалась использовать каждую такую минуту, каждый такой час, чтобы способствовать появлению новых слов, фраз, целых предложений, в которых отражались ее мысли и чувства. Иногда ей казалось, что она печатает в такт с дождем, когда каждое слово появлялось одновременно с каждым ударом дождевой капли об асфальт. Сейчас она находилась в гармонии не только сама с собой, но и со всем, что ее окружало вокруг. Она была в своей стихии, и слова вырывались наружу, будто торопились занять свое место на чистом, белом фоне.

Обычно Верна старалась много не работать в ночное время, отдавая предпочтение разделу с Джеймсом одной кровати. Но она очень любила дождь. Она любила слушать его успокаивающий звук, а вместе с тем и трудиться с таким же усердием, как дождевые капли хлестали сейчас землю. Так прошло два часа. Верна ни разу не подняла голову над монитором. Ее зрачки, сосредоточенные только на тексте, были сужены. Зеленый чай уже давно остыл, и к кружке Верна больше не притронулась.

На следующее утро Джеймс встал раньше, чем обычно. Циферблат часов высвечивал шесть часов утра. Верна спала крепким сном, и Джеймс ее не побеспокоил, хотя, как она сама ему не раз говорила, у нее всегда был очень чуткий сон.

Приняв душ, Джеймс направился в комнату, которую они с Верной сделали под кабинет с целью общего пользования. Своей отделкой он напоминал те кабинеты, в которых когда-то протирали свои штаны английские аристократы, работавшие адвокатами или врачами. Мебель была изготовлена из ореха. На всех полках углового книжного шкафа со стеклянными дверками размещались книги – главное материальное сокровище Джеймса, как он сам утверждал. Поверхность письменного стола была покрыта специальным лаком в четыре слоя, от прикосновения к которому ощущалась приятная шелковистость. Часть пола, сделанного из коричневого паркета, который хорошо сочетался с мебелью, занимал шелковый ковер в узорах различных теплых цветов.

Как оказалось, у Джеймса и Верны совпали вкусы и представления о том, каким должен выглядеть настоящий домашний кабинет. Джеймс хотел, чтобы в будние дни здесь работала Верна, продолжая писать свои книги, пока он сам отсутствовал дома. Однако так вышло, что Верна выбрала другое место для своей работы – в гостиной, за маленьким столиком, который она решила поставить позади дивана. Она не смогла толком объяснить свой выбор, но Джеймсу этого и не требовалось. Он прекрасно понимал, какие иногда могли возникать причуды у творческих людей, над чем он время от времени подшучивал. В такие моменты она, в свою очередь, реагируя на шутки Джеймса улыбкой, говорила о том, что ее лучшие работы были написаны ею в их гостиной за этим маленьким столиком. Так оно и было. За последние пять лет, что они прожили в этой квартире, Верна написала три книги, каждая из которых стала национальным бестселлером. Джеймс, испытывая за нее гордость, считал, что в этом не стоит искать никаких знаков свыше, просто, как он любил говорить, пришло ее время.

Как бы там ни было, Верна очень полюбила свой стол и то небольшое пространство, которое он занимал. В большой гостиной она мысленно обозначила границы комфортной для нее рабочей зоны.

Сев в кабинете за массивный стол, он дотянулся до аккуратно сложенной стопки газет, которые Верна собирала для него в течение всей рабочей недели. Свой единственный выходной день он всегда начинал с прочтения почти всех газет от первой до последней страницы, изредка пропуская совсем не интересующие его темы. Прошло около сорока минут, но он продолжал медленно пролистывать один разворот за другим, откладывая прочтенные газеты в сторону. И вот, в одной из них на последнем развороте Джеймс увидел фотографию, на которой был изображен в полный рост молодой человек с широко расставленными ногами и сложенными на груди руками. Такой позе особый колорит придавала его улыбка до ушей. Он был достаточно худой, с острым подбородком и длинными кучерявыми волосами. Сверху фотографии текст с крупными буквами гласил: «Я УЧУ ЛЮДЕЙ ДЕЙСТВОВАТЬ». Чуть ниже обозначалось имя человека, кому принадлежали эти слова: «МАЙКЛ МАР».

Джеймс долго всматривался в фотографию. Имя Майкла Мара ему ни о чем не говорило, но вот сам человек, изображенный на фото, казался ему знакомым. Он начал вспоминать о тех чертах лица, которые он когда-то видел, и тут, бесспорно, эти черты присутствовали, но общий внешний вид молодого человека как бы выполнял функцию отвлечения и не позволял сразу их сопоставить с теми, что он запомнил. Когда Джеймс, наконец, убедился, что это тот самый человек, он откинулся в кресле, закрыл газету и бросил ее на стол. Погруженный в собственные мысли, в голове он мельком прокрутил один из моментов в его жизни, когда-то подаривший ему большую порцию адреналина.

Девять лет назад.

Двадцатитрехлетний Стивен Линч одной рукой сжимал грудь своей новоиспеченной подруги. Та терпела легкую боль, изредка вскрикивая. Чтобы заглушить крик, второй рукой Стивен зажимал рот девушки, чье имя уже успел забыть.

– Ты знаешь, что я люблю собак? – Стивен убрал руку со рта, чтобы девушка могла ответить.

– Да-а, знаю-ю.

– А знаешь, что я люблю по-собачьи? Вот, прям как сейчас.

Теперь он крепко схватился за ее бока обеими руками и увеличил темп, который и без того был быстрым.

– ЕЩЕ, ЕЩЕ, СТИВЕН!

Лицом девушка упиралась в зеркало, которое было установлено в гримерной, и от ее дыхания оно запотевало. Девушка облокачивалась на столик, а иногда полностью ложилась на него, если Стивен убирал руки с ее груди.

– Я люблю жестко! – сказал молодой человек, словно девушке требовалось еще и словесное подтверждение этого, а не только то, что она и так испытывала боль.

В это время за дверью гримерной стоял еще один молодой человек, Марк Грэн, ровесник Стивена и его партнер по бизнесу. Сейчас он выполнял функции сторожила, на всякий случай, если кто вдруг решит зайти в гримерную. Заблаговременно до того, как Стивен уединился с этой девицей, которую они буквально подобрали на улице и провели внутрь здания выставочного центра, где в одном из конференц-залов совсем скоро должно было начаться их совместное выступление, Марк попросил Стивена «потихе». И вновь Стивен не вразумил просьбу своего партнера, и теперь тот был вынужден неловко смотреть по сторонам, боясь, что кто-нибудь пройдет мимо гримерной в тот самый момент, когда девушка особенно хорошо почувствует Стивена «в себе».

Марк поднял руку и взглянул на свой Rolex. Было почти семь часов. Он постучал в дверь.

– Стивен?

– Сейчас! – раздалось с той стороны двери.

Марк открыл дверь и, быстро зайдя внутрь, закрыл ее за собой.

– Стивен, мы и так опоздали.

Марк смотрел на обоих, как на что-то, что было ему совсем привычно. Не раз он был вынужден вести разговоры о бизнесе со Стивеном даже тогда, когда тот развлекался с девушками.

– Подождут! – рявкнул Стивен. Он стянул с себя рубашку и бросил ее в сторону. Его брюки были спущены, а красные туфли он так и не снял. – Они все привыкли ждать, Марк! Подождут и сейчас! В отличие от меня! Я просто беру и делаю! Да, красотка? – обратился он вновь к девушке. – Скажи же, что Я. ПРОСТО. БЕРУ. И. ДЕЛАЮ.

Стивен отпрянул назад. При этом он ударил девушке ладонью по заднице, отчего на ней остался красноватый отпечаток.

– Ху! Пора! Ты готов, Марк?

– Это ты у меня спрашиваешь?

Стивен поднял рубашку, встряхнул ее и надел обратно. Натянув трусы и брюки, застегивая ремень, он повернулся к девушке и спросил:

– Ты там что-то говорила про клуб... Завтра?

– Да, – ответила та, радостно выдохнув.

– Тогда до завтра. Встретимся у входа в десять. Пошли, Марк. – Стивен ударил партнера по плечу, и они оба вышли в коридор, откуда отправились на сцену.

Одним часом ранее.

Оказавшись в большом зале, тридцатилетний молодой человек посмотрел на билет. Среди множества ненужных ему в эту секунду слов, написанных на куске дешевой картонки, он отыскал информацию о месте, где он мог сесть. Ряд девятнадцать, место двадцать три. Он прошел немного вперед. Первый ряд красных кресел оказался последним, сорок седьмым. Сорок седьмой ряд! В каждом ряду по шестьдесят мест! Тридцать справа, тридцать слева. Ряды вытягивались вдоль зала, стены которого начинали постепенно закругляться, и те, кто устанавливал кресла, учли форму помещения. Между разделенными на две части рядами проходил свободный коридор прямо до сцены. Над сценой был установлен большой проектор.

Молодой человек пошел дальше, периодически склоняя голову, чтобы еще раз посмотреть на билет. К моменту его прихода зал был заполнен примерно наполовину. Учитывая то количество людей, которые заходили в зал за его спиной, можно было смело сказать, что сегодня каждое кресло будет занято.

Наконец, он пробрался к своему месту. Для этого ему пришлось потревожить нескольких тинейджеров. Увидев легкое недовольство в их глазах, молодой человек только улыбнулся и попросил прощения за беспокойство.

Он снял с себя ветровку и сел, успев перед этим обратить внимание на пару, которая расположилась прямо позади него. Практически облысевший мужчина с выпячивающим животом, в зеленой кофте, явно стиранной в последний раз несколько месяцев назад, сидел, держа за руку женщину, блондинку, которая решила специально для этого вечера переусердствовать со слоем красной помады на губах.

– Я уже был у них, тогда, в прошлую пятницу, когда ты уезжала к нашим поставщикам, – услышал молодой человек обращение мужчины к женщине. – Уверен, тебе понравится. Парни знают, о чем говорят. Иногда я начинаю грезить. Вот хочу прямо вернуться в ту молодость, когда мы еще только задумывали с тобой дело. Ты помнишь? – мягко спросил он.

– Чему тебя, сорокалетнего, могут научить эти мальчишки? – с такой же мягкостью в тоне спросила в ответ женщина. – Это ты должен сейчас готовиться к выходу, чтобы учить таких, как они – молодых и бестолковых.

– Не скажи, – возразил мужчина. – Я вновь и вновь убеждаюсь, что каждый человек талантлив в чем-то. Вот они выявили свой талант в таком раннем для этого дела возрасте и теперь успешно применяют его. Я им завидую. Ты вспомни, кем были мы с тобой, когда нам было по двадцать четыре?

«Важно не то, кем ты был, а то, кем ты стал», – словно за женщину ответил молодой человек. Он скрутил ветровку и положил к себе на колени, прижав ее сверху руками.

– Меня больше волнует то, где мы с тобой находимся сейчас, – как по волшебству, женщина прочла его мысли, отчего он улыбнулся сам себе.

– Их двое: Марк и Стивен, – продолжил мужчина, как будто он не услышал, что ему ответила женщина. – Марк спокойный. Всегда ведет себя умиротворенно. Здравомысленно рассуждает. А вот Стивен наоборот – придурковатый, иногда слишком резкий, но при этом соображает не хуже, чем его партнер. Настоящий предприниматель, одним словом. Я помню одну мысль, высказанную учителем в школе. Он сказал: «Чтобы чего-то достичь в бизнесе, человек должен быть немного маньяком». Вот Стивен – настоящий маньяк. Самодур.

После непродолжительного молчания, женщина коротко сказала и, тем самым, закончила этот разговор:

– Понятно.

Просидев еще какое-то время, наблюдая за другими людьми и невольно подслушивая время от времени чужие разговоры, молодой человек увидел, как впереди заработал проектор. Кто-то включил камеру, и на большом белом полотне отобразилась сцена, на которую поднялись двое молодых людей.

– Здравствуйте, – сказал первым слово приветствия один из них. Его вид был взъерошенный: мокрые, растрепанные волосы, мятые складки на пиджаке, небрежно заправленная наполовину в брюки рубашка, столь же небрежно завязанный наспех галстук. Большинство присутствовавших в зале подумали, что Стивен предстал перед ними под градусом чего-то выпитого.

– Добрый вечер, – с такими словами начал второй молодой человек, чье имя также знали практически все – Марк Грэн, бессменный партнер Стивена Линча в их совместном бизнесе. Он сразу сел на высокий крутящийся стул.

– Ну что, мужики, начали звенеть, вопреки тому, что охранник при входе в клуб вытащил у вас из карманов все металлическое? – обратился к мужской аудитории Стивен с широко расставленными ногами, держа одной рукой микрофон, а второй теребя что-то в кармане своих брюк.

Никто не ответил, но в зале слышались смешки тех, кто понял вопрос-шутку.

– Да, да, я говорю про вас всех! Почему вы должны звенеть, если на металл вы чисты? – Стивен вытащил руку из кармана и сжал ее в кулак. – Потому что у вас теперь должны быть железные яйца!

В зале установился всеобщий хохот.

– Мы все предприниматели с железными яйцами! И каждый из нас должен входить в клуб, выбивая дверь ногой и посылая этих кирпичномордых охранников куда подальше!

После недолгих аплодисментов Стивен продолжил:

– Те, кто присутствуют на нашем тренинге впервые, должны знать, кто мы, и для чего мы здесь собрались. Так вот, меня зовут Стивен Линч, ваш покорный слуга, а это, – Стивен обернулся и указал рукой на Марка – тот сел на высокий стул, – мой партнер и верный друг в одном лице, Марк Грэн. Буквально два года назад мы основали компанию «Бизнес-Перспектива», и теперь даем бесценные советы, как начать собственное дело и как улучшить свои показатели в уже существующем и действующем бизнесе.

Теперь эстафетную палочку подхватил Марк. Он продолжил вместо Стивена:

– К нам обращаются как совсем юные, начинающие предприниматели, так и закаленные, прошедшие через огонь и воду бизнесмены. Мы уверены, что многие из таких матерых сидят сегодня тут, вместе с нами. О чем это может говорить? Бизнес – это сфера деятельности, где ты не должен останавливаться в развитии ни на секунду, ни в двадцать, ни в сорок, ни в шестьдесят лет. Если ты решил оставить свою скучную работу и открыть что-то свое, будь готов работать все сто часов в неделю, – Марк сделал небольшую паузу. Он оглядел весь зал. – Испугались?

– Да, – вновь вступил Стивен. – Если вы готовы заниматься бизнесом, значит, будьте готовы к тому, что ваш бизнес будет вместе с вами всегда и везде. Будьте готовы к тому, что, сидя в своем самолете, который должен доставить вас на райские острова, вы будете думать о своем бизнесе. Будьте готовы к тому, что, когда вы развалитесь на лежаке с коктейлем в руке, вы будете думать о своем бизнесе. Понимаете? Физически вы можете быть где угодно, а духовно – все там же, у себя в офисе, или на ваших объектах, или на ваших торговых точках.

– Поэтому, – очередной выход Марка, – если до прихода сюда у вас уже сформировались какие-то представления о том, чем бы вы конкретно хотели заниматься самостоятельно, без многотысячных взоров руководства, и, если вы почувствовали страх или хотя бы слабое чувство неприязни, когда слышали наши слова о том, что есть бизнес – просим вас серьезно подумать и взвесить все «за» и «против».

– Также просим вас подумать и решить, готовы ли вы вкалывать и тратить свои силы на то дело, которое вы задумали в своей голове, – заключил Стивен. – И всегда нужно помнить –

об этом мы говорили в прошлый раз, – что главное – это действовать. Банально звучит? В простоте сосредоточена вся сила, скажу я вам. Действуйте! Вот главное правило. Вам не нужны ни удача, ни первоначальные капиталы, ни связи, вам не нужно ничего. Вам нужно действие, производимое вами же.

– Итак, – Марк слез со стула и подошел ближе к краю невысокой сцены. Стивен присел вместо него, – в прошлый раз мы говорили о тех сдерживающих факторах, которые мешают нам начать свое дело. Мы пришли к выводу, что основной из них – это страх. Также мы обсудили правила выбора своей ниши. Ну, и как уже сказал Стивен, мы говорили о действии. Сегодня мы расскажем вам, как правильно организовать отдел продаж.

Марк взял фломастер и подошел к флипчарту, на котором был расположен рулон чистой бумаги. Посередине сверху он успел написать слово «Отдел», когда из зала прозвучал вопрос:

– Тогда почему вы опять всех собрали?

Марк опустил руку с фломастером и, полностью не разворачиваясь к залу, взглянул на Стивена. У того лицо выражало такое же легкое недоумение, но именно сейчас каждый из них ждал друг от друга того хладнокровия, которым должен обладать один из партнеров, если другой не мог быстро собраться.

– Прошу прощения, мы не видим человека, который задал вопрос, – начал первым Стивен.

– Да здесь я, здесь.

За множеством рядов, где люди повернули головы назад, чтобы попытаться разглядеть человека, задавшего такой вопрос, Стивен и Марк уже увидели, как он поднялся с места.

– Пусть кто-нибудь даст мне микрофон, – сказал вмешавшийся в выступление знаменитого тандема так неожиданно. Стивен и Марк почувствовали, как молниеносно этот выскочка завладел инициативой.

К сцене подошел молодой, коротко стриженный парень в черной футболке, джинсах и белых кроссовках. Он взглянул на Стивена и тот, одобрительно кивнув, протянул ему свой микрофон, а второй взял у Марка, тем самым дав понять, что именно он будет вести беседу с этим гостем. Парень в черной футболке подбежал к ряду, в котором находился мужчина, но не решил идти прямо к нему, проталкиваясь через людей. В его глазах показалась растерянность.

– Может быть, вам лучше выйти в проход? – предложил Стивен. – Там все равно должны были установить микрофон для всех, кто захочет задать вопрос.

– Нет. Просто сделайте так, чтобы микрофон оказался у меня в руках.

Стивен почувствовал нотку издевательства, исходящего от мужчины, а вместе с тем и свое раздражение.

– Мик, ну передай ты микрофон первому в ряду, он передаст дальше. Что за беспомощность? – демонстративно отчитал Стивен парня в черной футболке. Когда Мик отдал микрофон, то тут же направился быстрым шагом обратно.

Наконец, получив микрофон, молодой человек представился:

– Здравствуйте, меня зовут Джеймс. Я впервые на вашем тренинге, и у меня возник такой вопрос: почему вы собираете людей во второй раз?

– А в чем, собственно говоря, дело? – спросил Стивен, улыбнувшись и быстро оглядев весь зал.

– Вы сказали, что главное для всех – это действовать. И что больше никому ничего не требуется. Так зачем же вы собираете людей во второй раз?

– Мы никого не заталкивали сюда силой, Джеймс. Если кто-то пришел сюда во второй раз, значит, это только по его собственному желанию.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно.

Джеймс оглядел людей, которые сидели рядом с ним – те просто прожигали его своим любопытным взглядом, словно готовые вот-вот его испепелить.

– Но сегодня вы решили поговорить об организации отдела продаж, значит, ваш тренинг состоит из нескольких тем. Ведь так?

– Джеймс, ни я, ни мой коллега не понимаем, к чему вы клоните. Вы не могли бы сказать напрямую, а не ходить вокруг, тратя наше время и время этих людей?

– Вы этих людей держите за идиотов?

– Нет, – уверенно ответил Стивен.

– Но вы противоречите сами себе. В прошлый раз вы сказали о том, что главное – это действовать. А сейчас вы хотите рассказывать про отделы продаж. Вы считаете, что ваши тренинги эффективны? Скольким людям в процентном соотношении вы действительно помогли?

– Подождите, подождите, – Стивен усмехнулся и завертел головой, – у вас слишком много вопросов. Мы...

– Так ответьте по очереди на каждый. В чем проблема?

– Джеймс, я попрошу вас не перебивать меня. Безусловно, мы не сможем помочь всем. Это факт. Мы не даем никакой гарантии, что после нашего тренинга все разбогатеют. Но мы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.